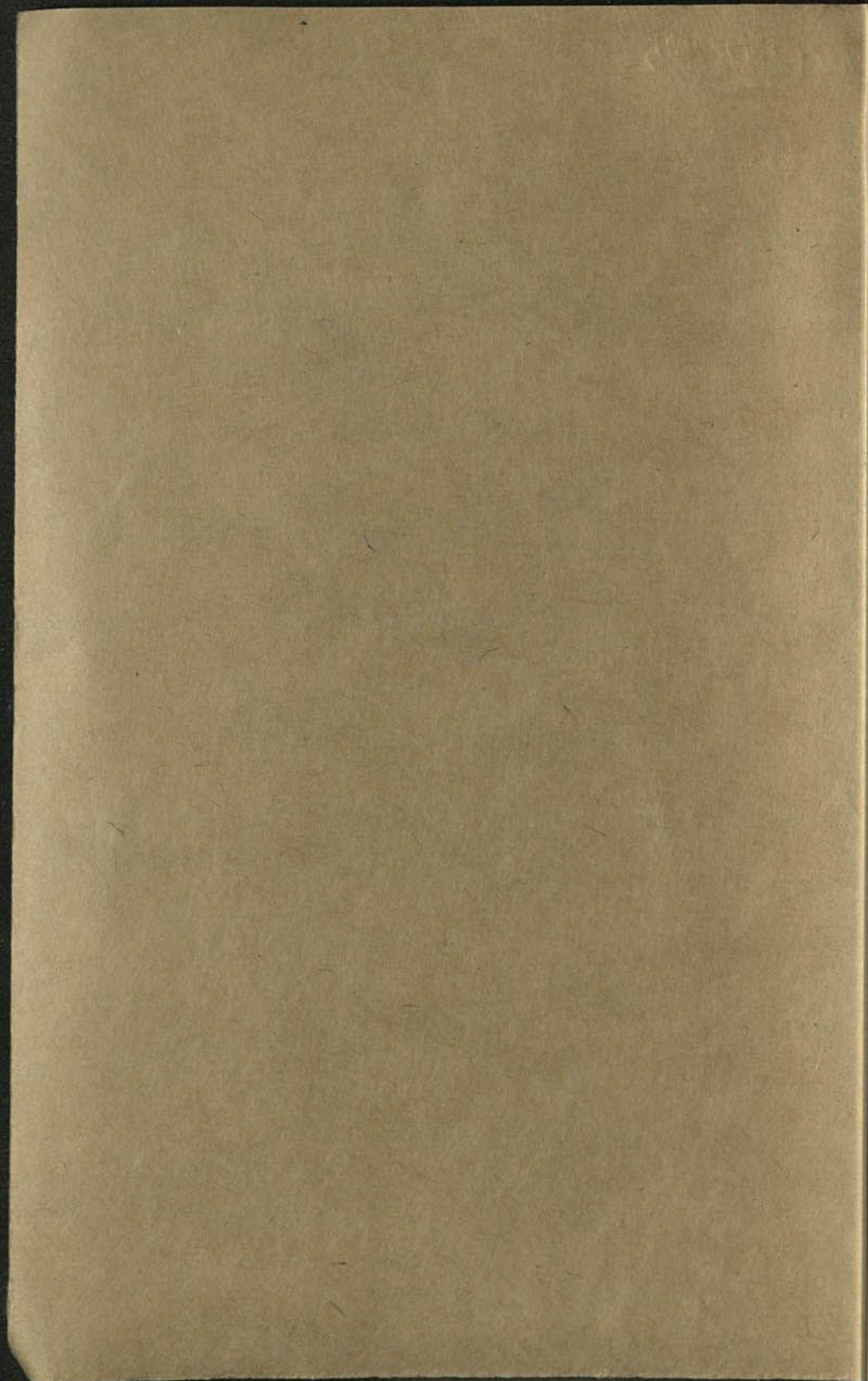

Ба.50005

БАС 5005 р ба 50005

НА ПРАВАХ РУКОПИСИ

№ 55

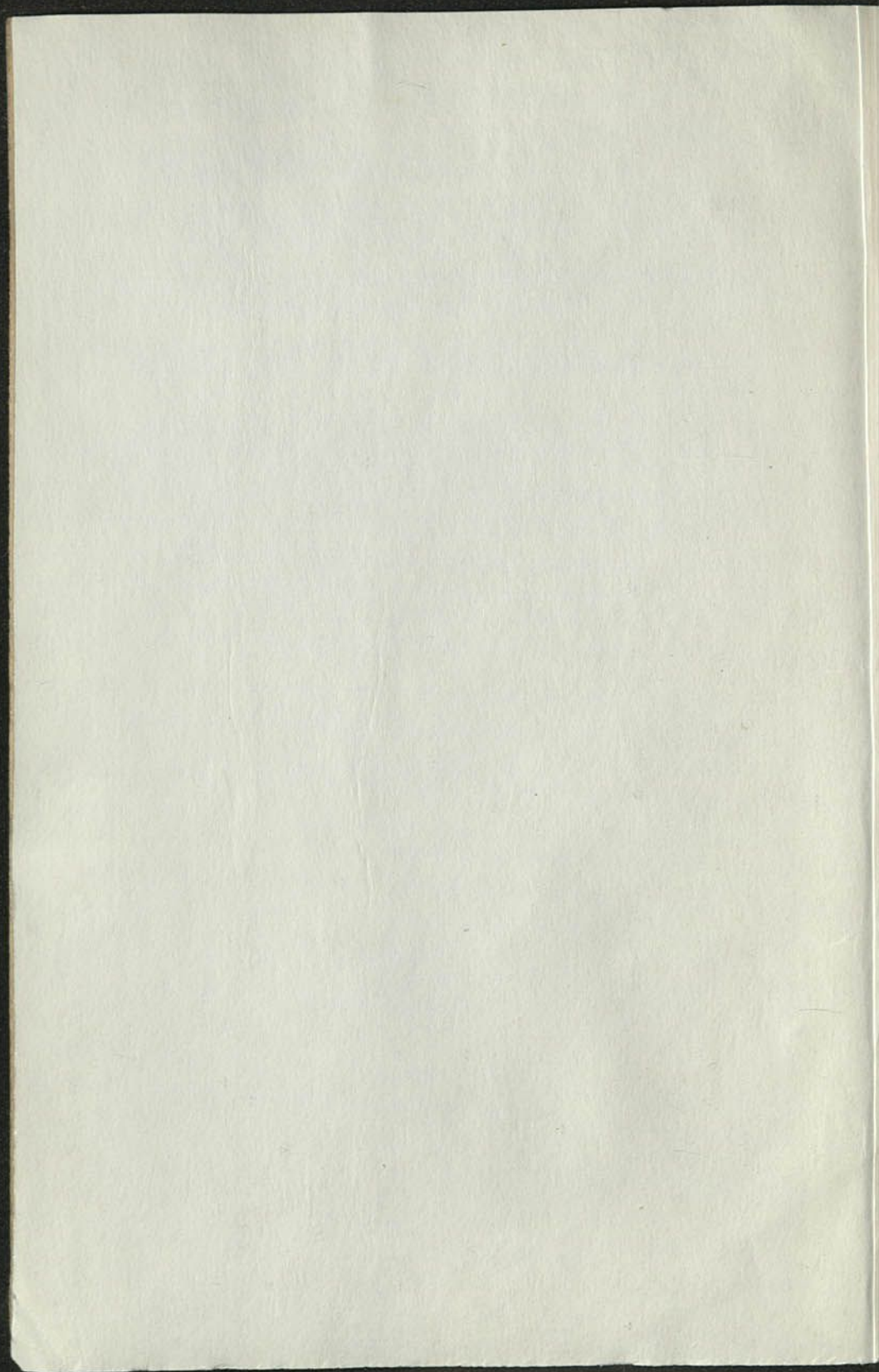
М. КЛИМКОВИЧ

ЛИТЕРАТУРА СОВЕТСКОЙ БЕЛОРУССИИ

4.

МИНСК — 1936

~~Лит.~~
~~Лит.~~

8
Б А 50005 8р

НА ПРАВАХ РУКОПИСИ

М. КЛИМКОВИЧ

ЛИТЕРАТУРА СОВЕТСКОЙ БЕЛОРУССИИ

ДОКЛАД НА III ПЛЕНУМЕ
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
С. С. С. Р.

8
Б А 50005 8р

Бел. издзем
1994 г.

МИНСК — 1936

8
Б к 49

ИЗДАТЕЛЬСТВО

М. КИРИЛЛОВ

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
КОДЕКСОВ
ВЕЩНОГО ПРАВА

КОДЕКСЫ ЗАКОНОВ
ВЕЩНОГО ПРАВА

1952 г.

25-11-52

1952 г.

Товарищи, наш пленум есть пленум дружбы народов.

„А дружба между народами СССР — великое и серьезное завоевание. Ибо пока дружба существует, народы нашей страны будут свободны и непобедимы; никто не страшен нам, ни внутренние, ни внешние враги, пока эта дружба живет и здравствует“ — так сказал тов. Сталин таджикским и туркменским колхозникам.

И вот мы, вдохновляемые этой стальной дружбой народов, собрались здесь, на западном рубеже Союза. И то, что мы собрались именно здесь, в Советской Белоруссии, приобретает особое значение. Представители величайшей культуры, которую когда-либо создавало человечество, представители новой истинно-человеческой культуры трудящихся всех народов, населяющих необъятный Советский Союз, во главе с могучим русским народом, сошлись у границы, за которой тянется черная ночь национального гнета, рабского бесправия трудящихся и ужасающего бескультурья; у границы, освещаемой отблесками средневековых костров из книг лучших поэтов, ученых и мыслителей мира; у границы, к которой тянутся окровавленные руки фашистов. На фоне этой ночи — каким грандиозным беломраморным памятником нашей эпохи высится наша культура, каким прекрасным маяком горит она и светит народам мира через все рубежи и границы, какой неприступной крепостью для врагов высится она — единая и многоязыкая культура победившего пролетариата. И первое, что хочется сказать, видя могучий коллектив писателей всесоюзной литературы, спаянный братской любовью, боевым пролетарским интернационализмом, взаимной поддержкой и дружбой: „нет в мире силы, которая могла бы преодолеть союз великих народов!“

Белоруссия в годы гражданской войны на своей территории видела трудящихся всех национальностей, которые вы представляете, видела вооруженный союз рабочих и крестьян всех наций, борющийся за освобождение Белоруссии от белопольского ярма, а еще раньше от полчищ кайзеровской Германии. Тем более радостен нам приезд представителей братских республик, краев и областей, приехавших к нам, чтобы личным участием помогать нам строить социалистическую культуру, национальную по форме.

Товарищи, наш пленум и наша дружба и наш рост есть

результат огромной работы ВКП(б), есть результат неустанных забот и гениального руководства величайшего друга, вождя и учителя всех народов—Иосифа Виссарионовича Сталина, есть результат братской помощи Союза Советских Республик всем ранее отсталым народностям, ныне братским советским республикам.

Да здравствует и долго-долго живет на радость нашу, на горе и страх врагам нашим—тов. Сталин!

Товарищи, я вынужден несколько напомнить вам о том, чем была дооктябрьская Белоруссия, так называемый Северо-Западный край царской империи, чтобы ясней стало, почему не могла быть великой и обильной белорусская дооктябрьская литература.

Белоруссия, бывшая вначале колонией польских помещиков и буржуазии, потом стала дополнительно колонией русских помещиков и буржуазии.

Тов. Сталин, тов. Жданов и тов. Киров в своих „Замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР“ особенно подчеркивали аннексионно-колонизаторскую роль русского царизма, вкупе с русской буржуазией и помещиками („царизм—тюрьма народов“) и контрреволюционную роль русского царизма во внешней политике со времен Екатерины и до 50-х годов XIX столетия и дальше („царизм—как международный жандарм“). Оба эти качества царизма особенно сильно испытала дооктябрьская Белоруссия.

Мрачную картину хозяйничания помещиков нарисовал поэт Державин—сенатор Екатерины, который в 1800 г. ездил в Витебскую губ. для расследования причин крестьянских восстаний.

Вот его характеристика о жизни крестьян: „Лучшие из них едят пушной или пополам с мякиной хлеб, доставая и тот покупкой или займом, а другие употребляют только пятую долю ржи, смешивая с четырьмя частями мякины, иные же и того не имеют и едят вареный щавель... От такой пищи все вообще вялы, тощи и бледны, как мертвецы“...

А разве так жили только на Витебщине? Огромное болотистое Полесье жило еще хуже, об этом единодушно говорят все русские писатели, побывавшие там в это время. Об этом говорят документы и песни про лучину-лучинушку, про соху кривую, про женскую долю горемычную, про изверга пана, его эконома, про то, как жнеи встречают темную ночь на поле злого помещика, наконец про нужду, голод—вечных спутников бедноты.

Освобождение крестьян от крепостной зависимости при всей „прогрессивности“ этого уклада жизни сравнительно со старым крепостничеством“ (Ленин) оставило белорусскому крестьянину огромное количество панов-помещиков, которые продолжали опутывать его хозяйство и его самого изнуряющей паутиной долговой кабалы, штрафов и отработка. Оно не избавило

его от эксплуатации соседа-кулака. 200.000 батраков в Белоруссии, десятки тысяч эмигрантов из Белоруссии в Америку (см. повесть Короленко — „Без языка“) — таков итог хозяйничанья помещика, урядника и кулака к началу империалистической войны, которая еще больше разорила страну. Проводя в жизнь систему колониального грабежа, великодержавная буржуазия не особенно торопилась с развитием местной промышленности, одновременно вместе с местной буржуазией безжалостно, вдвойне эксплуатируя тех рабочих, которые были заняты в кустарных и полукустарных мастерских. Вот почему крестьянские бунты против крепостничества, а потом против слишком больших остатков его, в деревне бунты и стачки в городах против поистине бесчеловечных условий труда — явление весьма характерное для Белоруссии, того времени, когда начало разгораться пламя восстания всего рабочего класса бывшей России.

О непосредственной и прямой связи рабочего движения Белоруссии с рабочим движением России мы имеем достаточно доказательств вплоть до факта созыва первого съезда РСДРП — на территории Белоруссии. Всем известно, как основоположник нашей партии Владимир Ильич, нанося сокрушительные удары колониально-грабительской политике царизма, страстно боролся против бундовского засилия в рабочем классе тогдашней Белоруссии и Польши, против растлевающего влияния национализма, объединяя все отряды рабочего класса против царизма, против капитализма, против национального угнетения. А социальное и национальное угнетение трудящихся Белоруссии было велико.

Начиная от царя Алексея Михайловича, который велел сжечь книги „литовской печати“, царское правительство щедро сыпало указы за указами, воспреещающие белорусскую печать, урезающие права населения, в том числе еврейского населения, для которого создали „черту оседлости“. Белорусские произведения печатались иногда только потому, что удавалось убедить цензора, что книга написана на болгарском языке, точно также, как еврейские книги выдавались за книги, написанные на немецком языке.

В таких условиях господствующие классы пытались создавать литературу на белорусском языке (первые крупные поэмы на белорусском языке неизвестных авторов „Энеида навыварат“ и „Тарас на Парнасе“ появились в начале XIX века). И в зависимости от того, какая из групп эксплуататоров выдвигала своего певца, таковы были и его песни. Если классу помещиков-крепостников нужно было через художественную литературу пропагандировать терпение, смирение и послушание крепостного мужика своему пану помещику, — этот класс выдвинул Дунина-Марцинкевича с его лакировкой взаимоотношений между паном и мужиком, с его маскировкой крестьянским фольклором, крестьянскими вечеринками зверской эксплуатации крепостных крестьян помещиками (таковы опера „Сялянка“ 1846 г., повести „Гапон“ —

1855 г. „Вечарніцы“—1855 г., „Купалле“—1856 г., „Шчараўскія дажынкi“—1857 г. и др.), с его протестом против наступающего на крепостника-помещика капитализма (комедия „Залёты“ и „Пінская шляхта“).

Если классу молодой тогда буржуазии понадобилось апеллировать к народным низам для того, чтобы перетянуть их на свою сторону и с их помощью расширить свое место под солнцем—этот класс выдвинул Францишка Богушевича (1840—1900 г.) с его „мужицкой“ тематикой, деревенскими образами (чтобы они были понятными крестьянину, деревне); с его националистической пропагандой, выгодной буржуазии. Тот же класс, когда он заглянул в глаза рабоче-крестьянским восстаниям 1905 г. и увидел в них свою грядущую смерть, выдвинул националистический упадочнический символизм Богдановича и буржуазно-кулацкую сугубо-националистическую контрреволюционную газету „Наша ніва“.

И только революция 1905 г. выдвинула таких поэтов, которые смогли услышать и передать чаяния широких масс крестьянства, хотя и не поднялись до понимания значения революции 1905 г., до понимания ее ведущих сил и окончательных целей.

Правда, существовала не только литература, писанная писателями профессионалами, существовали и такие сказки, как „Жаласлівая пані“, как „Пан і мужык“, как „З чаго ліха на свеце“, в которых народ исключительно реалистически изобразил свою жизнь при крепостничестве, изобразил звериный, скотский быт помещика, изложил свои симпатии тем, кто пытался восставать против помещика. Ходили по рукам стихи, перекликающиеся со стихами лучших русских писателей того времени. Ходили в народе целыя поэмы, в которых об'яснялась, пусть еще несовершенно, классовая природа тех явлений, с которыми встречался бедняк.

К спраўніку ён не даб'ецца,
Толькі шы дастанецца.
Багач скрыўдзіў, ён і праў.
Бедны скрыўджан і прапаў.
Было-б над цудам цуда,
Каб бядняк праў вышаў з суда.

Дошла до нашего времени песня одного крестьянского поэта—Павлюка Бахрыма, которого, как видно, задавило царское правительство и крошинский помещик:

„Зайграй, зайграй, хлопча малы,
У скрыпачку і ў цымбалы,
А я зайграю ў дуду,
Бо ў Крошыне жыць не буду,
Бо ў Крошыне пан сярдзіты,
Бацька кіямі забіты,
Маці тужыць, сястра плача,
Дзе-ж ты пойдзеш, небарача?“

А сколько таких поэтов из народа погибло в безызвестности и сколько их песен и сказок перешло в народ, стало фольклором! Среди этих песен и сказок есть произведения высокой литературно-художественной ценности и глубокого политического содержания, отображающих ожесточенную борьбу белорусского крестьянина против помещика и в частности против польского помещика.

ЛИТЕРАТУРА 1905 ГОДА.

На волне первой русской революции поднялись два крупнейших поэта современной белорусской литературы, народные поэты республики—Янка Купала и Якуб Колос, поднявшие белорусскую литературу на уровень современной русской литературы, поднялась целая плеяда мелкобуржуазных писателей и поэтов. Одни из них, как Элоиза Пашкевич („Цётка“) потом отошли от революции и пытались „просветительствовать“; многие же, как Алесь Гарун, полностью изменили революции и очутились в лагере активной контрреволюции.

„Революция, переживаемая Россией,—писал Ленин,—есть революция общенародная. Интересы всего народа пришли в непримиримое противоречие с интересами кучки лиц, составляющих самодержавное правительство и поддерживающих его“ (Ленин, т. VIII, стр. 255). Пролетариат, являясь гегемоном этой революции и накладывая свой отпечаток на буржуазно-демократическую („по общественно-экономическому содержанию“ (Ленин) революцию, под руководством нашей партии, вел свою линию на перерастание демократической революции в социалистическую. Буржуазные же партии, чем больше развертывалось народное движение, чем больше в борьбу втягивались народные низы, тем более и более становились контрреволюционными. Самые лучшие писатели того времени—Колос, Купала—представители крестьянства в литературе—по своему происхождению и по связи с трудящимися на этапе первой революции отображали и его революционные стремления и его непоследовательность и колебания. Они не поднялись до понимания руководящей роли пролетариата в революции, тем более до понимания роли нашей партии.

Янка Купала—сын мелкого арендатора, сам в начале своей литературной карьеры был помощником винокура, а то и просто служил у помещика, хорошо знал быт безземельного, быт батрака, быт крестьянина, и он отображает этот быт.

Можно бесконечно приводить картины горя, беспросветной нужды и помещичьего гнета, которые отобразил Купала в своем творчестве. Свой сложный путь поэта он начал призывом

к крестьянину—не забывать о своем человеческом достоинстве и заставить других не забывать об этом:

„Але хоць колькі жыць тут буду,
Як будзе век мой тут вялік,
Ніколі, братцы, не забуду,
Што чалавек я, хоць мужы .
І кожны, хто мяне спытае,
Пачуе толькі адзін крык,
Што хоць мной кожны пагарджае,
Я буду жыць — бо я мужык“.

Просмотрите стихи Я. Купалы, не попавшие в печать в эти пламенные годы первой революции.

Тут и грозное предостережение помещикам:

„Пашкадуй-жа ты, брат, мужыка,
Бо на свеце прыдзе многа бяды,
Бо за крыўду сваю адамсціць,
Свінням будзе крыві не пабраць.
Адамсціць, аж зямля задрыжыць,
Аж віхры зашумяць, загуздыць“.

Тут и призыв к своему народу:

„Што ты спіш, што спіш,
Беларускі мужык?
Глянь, усталі ўсе
Як свет божы вялік“.

Поэт перечисляет все издевательства, которые терпит мужик, и предлагает:

„Калі стрэльбу ў цябе
Адабралі тваю,
Ты за стрэльбу вазьмі
Касу востру тваю.
... І ідзі і крычы
Прагавітым людзям,—
Няхай хлеба дадуць,
Табе, жонцы, дзецям“.

(„Што ты спіш“. 1906 г.)

Страстным призывом к народу звучат слова поэта:

„Там кроў льецца, там за волю
Барцы на вісельні ідуць,
А вы, вы вымучаны найболей,
Спіце, хоць вас даўно там ждучь.
... Ідуць, каб бедным і галодным
Дзянькі сыцейшы зацвілі,
Зрабіць нявольніка свабодным,
Даць беззямельнаму зямлі.
... До спаць, паўстанце грамадою
І ідзіце ім там памагаць

(это значит русскому пролетариату—М. К.).

... Хай кроў пральецца дзень-другі,
Варожым трупам на падсціл,
Хай у няволі данцугі
Спадуць ад грому ваших сіл“.

Поэт призывает не жалеть врага:

„Смерць таму, хто хлеб астатні
Бедным выдзірае,
Смерць таму, хто на люд братні
Кайданы ўздзявае!“

Приведенные стихи как нельзя лучше свидетельствуют об учебе Янки Купалы у Шевченко, Некрасова, Кольцова (с преодолением „сытого благополучия“ последнего).

В ногу с Янкой Купалой идет другой народный демократ — Якуб Колос. Он вышел тоже из безземельной белорусской деревни. Его отец был лесником у помещика и вынужден был передвигаться со своим хозяйством туда, куда перебрасывал его помещик по службе.

Видя с детства нужду и горе, Якуб Колос начал свою литературную деятельность общественно-лирическим, полным грусти стихотворением:

„Не пытайце, не прасіце
Светлых песень у мяне.
Бо як песню заспяваю,
Жаль вам душу скалыхне“.

Потому что:

„Ды на жыццё яго паглядзім,
Сэрца бодем зашчыміць“.

С такой же скорбью написано его стихотворение, которое первым увидело свет:

„Край наш бедны, край наш родны,
Гразь, балота ды пясок,
Чуць дзе троху луг прыгодны,
Хвойнік, мох ды верасок.
А туманы, як пялёнкі,
Засцілаюць лес і гай.
Ой, ты бедная старонка,
Ой, забыты богам край“.

Эта грусть не могла оставаться пассивной, и уже в 1906 г. Якуб Колос поднимает свой полный протеста голос против панна-помещика и против царизма:

„Багачы і панства,
Нашы „дабрадзеі“,
Мы на суд вас клічам,
Каты вы, зладзеі!
... Ужо даўно вяроўка
Вас, паны, чакае.
І па вас асіны
Слёзы праліваюць“ (1906 г.)

Упоминание об осинах и веревке, которые готовит панам бедняцко-крестьянская Белоруссия, не было опиской — Якуб Колос уверил своих читателей, что:

„Не, не будзе нам жыцця,
Як паноў не перавешаць“.

И здесь, как у Купалы мы имеем и перекличку и учебу у русских писателей, начиная с Пушкина и кончая Никитиным и Некрасовым.

В это время выступила с рядом стихов и рассказов, направленных против царизма поэтесса—Элоиза Пашкевич: „Хрэст на свабоду“ (Львов, 1905 г.), „Скрыпка беларуская“ (Львов, 1905 г.).

Националистическая буржуазия хорошо знала силу влияния художественной литературы и приложила все старания для того, чтобы перетянуть Купалу и Колоса на свою сторону, ухватившись за националистические настроения, за отдельные стихи, которые отражали их половинчатость и колебания в социальных вопросах (эти стихи и эти настроения были обусловлены мелкобуржуазной природой самих писателей).

Правда, зарядка 1905 г. оказалась такой сильной, что даже в годы реакции, в годы, когда националистический угар отравил сознание и Колоса и Купалы—в их творчестве вырывается и острое слово социального протеста и призыв в бой, и слово надежды на лучшее будущее.

Так, Колос в 1907 г., когда революция оказалась разбитой, ободрял своих читателей:

„Не бядуй, што звіслі хмары,
Што нам сонца не відаць,
Не бядуй, што ў ноч пажары
Сталі неба заліваць.
Дымам і ойдзе ўсё ліхое,
Усё што душыць нам і гне.
Вер, брат, жыццё залатое
Будзе ў нашай старане“.

И даже тогда, когда царское правительство посадило Колоса в тюрьму на три года за участие в учительском съезде 1906 г., Колос продолжал писать такие произведения, как „Канстытуцыя“, „Малебен“, „Выхадзі ўперад“, „Соцкі падвёў“, „Соцыяліст“, „Недаступны“. В этих вещах упорно, поразительно метко и остро Колос обрушивается на царизм, на его куцую конституцию, весь смысл которой в том, что:

„І ў турму нас павялі,
І таўклі без меры“.

У Колоса находится мужественное слово, чтобы из тюрьмы призывать:

„Я мужык, я гонар маю,
Гнуса толькі да пары,
Я маўчу, маўчу, трываю,
Але скоро загукваю,
Стрэльбы, хлопчыкі, бяры“.

(„Мужык“, 1909 г.).

В одинаковой степени оказалась сильной зарядка 1905 г. и у Янки Купалы. Он также, как и Колос, очень часто маски-

рует острый, сильный неожиданный удар за тонкой иронией, за безобидными на первый взгляд строчками:

„Свече месяц, свече,
З вечера да рана,
Арэ мужык поле
Не свае, а пана“.

Временами эта ирония принимает форму социального сарказма (см. „Покуль сонца ўзыдзе“)

„Ой льюцца слёзы
У дзяцей і ў маткі.
Не плачце вы—дзеці,
Не плач і матуля,
У бядзе вас патешыць
Ці астрог, ці куля“.

Мне хочется напомнить еще прекрасные стихи Янки Купалы „Перад вісельняй“—стихи 1908 г., в которых от имени лучших борцов революции 1905 г. Купала бросает царскому правительству:

„Але не стану біць паклонаў,
За сваю пагібель не змаўчу.
Знаць не хачу ваших законаў,
Знаць ваших судзяў не хачу.
... Не доўга ваша панаванне
Загуба прыдзе і на вас.
... людской расплаты ўжо над вамі
Тагор адточаны вісіць“.

Рассматривая дооктябрьскую литературу, мы обязаны особо подчеркнуть, что Купала и Колос выделяются из всех дооктябрьских писателей своим талантом, своей культурой стиха, близостью его к народному стиху, что в свое время было замечено и поддержано Алексеем Максимовичем Горьким.

Но чем дальше от революции 1905 года, тем меньше было у Купалы и Колоса стихов подобных вышеприведенным и наоборот, тем больше было стихов с буржуазно-националистическим содержанием. Правда, отрицательное влияние буржуазных националистических партий и „Нашай нивы“ на Цётку, Купалу, Колоса и других мелко-буржуазных писателей эпохи первой русской революции сказывалось даже на первом этапе их творчества.

„Наша нива“, пропагандируя подчинение и поддержку царского правительства, пропагандируя столыпинские хутора, пропагандируя самый зловонный белорусский национализм, усиленно боролись за Янку Купалу, за Якуба Колоса, как самых талантливых писателей того времени.

Под влиянием националистов, под влиянием „Нашай нивы“—Якуб Колас в 1906 г., предлагавший „перавешаць паноў“, как средство добиться земли, стал апологетом хуторской системы хозяйства. И этим еще раз сказала мелко-буржуазная природа поэта.

То же самое случилось и с Янкой Купалой. Поэт-реалист, трибун революционного крестьянства под влиянием националистов из „Нашай нівы“ метнулся от реализма к символизму (см. его большие поэмы „Адвечная песня“ и особенно „Сон на кургане“). Явный безбожник, который высмеивал боженьку, как пособника богатых, начинает молиться этому же боженьке о деле народа; поэт, который звал свой народ итти на помощь восставшему пролетариату России, начинает проповедывать национальную ограниченность, идеализирует средневековье, и пр. и пр. В тупик забрел поэт со своим идеалом родины, перепевая тезис о бесклассовости белорусской нации, о золотом веке феодальной Белоруссии и т. д. Национализм, как содержание, символизм, как форма, глушат большую поэзию Купалы. Образы его теряют рельефность и материальность обрисовки, становятся расплывчатыми, абстрактными, язык отдаляется от народного. Следует сказать, что в этом Купала попадает в том ряду русских символистов этого времени (А. Белому, Брюсову и др.).

Невольно вспоминается анализ, данный тов. Сталиным этому времени:

„А появившаяся сверху волна воинствующего национализма—целый ряд репрессий со стороны „власть имущих“, мстящих окраинам за их „свободолюбие“, вызвали ответную волну национализма снизу, перешедшего порой в грубый шовинизм“.

„... И чем больше шло на убыль освободительное движение, тем пышнее распускались цветы национализма“.

Эта характеристика целиком применима к тогдашней Белоруссии.

Последние два-три года „Нашай нівы“ в белорусскую литературу пришли два современных нам писателя—Змитрок Бедуля и Тишка Гартный. Несмотря на то, что Т. Гартный принес в литературу рабочую тематику (отражая „настроение ремесленных рабочих наших местечек“ (*Кнорин*), он остался далеким от поэзии рабочего коллектива. Связь же его с „Нашай нівай“ и националистической интеллигенцией в Петербурге усилили его национализм (см. его „Сявец“, „Званар“ и др.).

Империалистическая война еще более усилила националистически-упадочнические настроения среди белорусских писателей.

Вот беглый обзор дооктябрьской литературы. Мы принимаем из нее, как демократическое наследство, лучшие стихи Богушевича, в которых он протестует против социального и национального угнетения крестьянина, мы принимаем прогрессивные произведения других писателей, мы принимаем стихи Купалы, Колоса, рожденные первой русской революцией. Мы отмечаем, как негодный и вредный хлам, всякую попытку зачислить в наследство националистическую буржуазную дооктябрьскую литературу.

ОКТАБРЬ НА БЕЛОРУССИИ И НАЧАЛО ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Октябрьская пролетарская революция, под гениальным руководством Ленина и Сталина, установила пролетарскую диктатуру,—власть Советов смела с лица „тюрьму народов“, освободив народы для творческой созидательной работы в братском Союзе советских социалистических республик. Но Советской Белоруссии пришлось почти пять лет бороться за право мирно трудиться над созданием новой счастливой жизни: царские генералы, белерусские националисты, немецкие и польские оккупанты вместе и порознь, потом савинковские и балаховичские банды вынуждали трудящихся Белоруссии вместе с трудящимися всей России упорно и героически защищать независимость Советской Белоруссии. Эта борьба велась под руководством нашей партии, и в этой борьбе против всех врагов революции выросла и закалилась наша партия большевиков Белоруссии, созданная под непосредственным руководством тов. Сталина. Она выросла и закалилась прежде всего в борьбе против белорусской кулацко-помещичьей контрреволюции и ее последней, в борьбе за пролетарский интернационализм, за создание национальной по форме, пролетарской по содержанию культуры, в борьбе за социалистическую индустриализацию бывшего края вечных болот и лесов, за социалистическую переделку убогой и нищей деревни, так много раз оплаканной в стихах и прозе дооктябрьской белорусской литературой. Гиганты заводы сегодняшних дней, почти полутарастысячный рабочий класс, коллективизация деревни на 85%, расцвет культуры всех народов, населяющих Белоруссию, богатая, зажиточная, культурная, веселая жизнь,— вот что дал белорусскому народу славный путь, пройденный ею под руководством ленинско-сталинской партии большевиков, под руководством т. Сталина. Путь этот временами был очень тяжелым и тернистым: остатки контрреволюционных армий, банд, националистических партий и групп, которые, будучи разбиты в открытом бою, забились в щели, чтобы оттуда мешать и вредить социалистическому строительству. Остатки белорусской националистической контрреволюции, которая с таким ослиным упорством и хамской угодливостью исполняла свою палаческо-лакейскую роль при кайзере и Пилсудском, под новыми масками исполняла все ту же изменническую роль в отношении трудящихся масс Белоруссии.

Белорусские писатели в своем большинстве встретили Октябрьскую революцию с националистических позиций. Некоторые из них не понимали, што „освобождение трудовых масс угнетенных национальностей и уничтожение национального гнета немисливо без разрыва с империализмом, низвержения „своей“ национальной буржуазии и взятия власти самими

трудовыми массами" (*Сталин*). Другие не за страх, а за совесть служили этой буржуазии, пресмыкаясь вместе с ней перед кайзером и Пилсудским. Это наложило свой отпечаток на творчество дооктябрьских писателей в первые годы революции.

Но рядом с дооктябрьскими писателями уже начинал подниматься молодняк новой советской литературы. Сначала он был в некоторой мере в плену старых „нашенивских“ литературных канонов не только по форме, но по языку и по образам. Но уже тогда в поэзии прозвучала преданность советской власти, благодарность Красной армии за освобождение Белоруссии, ненависть к белопольской армии, уверенность в победе пролетариата. Первым поэтом, который развернул славную первую страницу пролетарской белорусской поэзии, был *Михась Чарот*, который к этому времени в значительной мере вырвался из-под националистического влияния.

Я назову его крупнейшее произведение этого периода „Босыя на вогнішчы“ (1922 г.). Это бесфабульная поэма—панорама борьбы за Советскую Белоруссию. Поэма написана в плане революционно-романтического показа героизма „босых“, и при всей установке на символизм отдельных образов реалистически показывает развитие революционных событий на Белоруссии. Правда, в этом показе прорывается иногда взгляд на революцию, как на стихийное движение миллионов „босых“,— бедных и обездоленных (учеба у Блока), не выделена, не подчеркнута роль партии (что является особенно крупным пороком поэмы). Но в общем эта поэма принимая во внимание время ее написания и националистическое засилие в литературе того времени—была исключительно важным явлением в литературной и общественной жизни страны.

Вокруг поэмы „Босыя на вогнішчы“ разгорелась страстная борьба. Националисты неоднократно пытались опорочить ее, заявляя, что образ „босых“ есть образ „мерзких уголовников и мародеров“, и что в поэме „ничего пролетарского нет“.

Тов. Кнорин и другие неоднократно выступали в защиту „Босых на вогнішчы“ как пролетарского произведения.

Следует здесь сказать, что нацдемы неоднократно пытались перетянуть Чарота на свою сторону, всячески расхваливая те произведения М. Чарота, в которых были националистические срывы.

Из других произведений М. Чарота нужно отметить поэму-фантазию „Чырвонакрылы вяшчун“. Несколько позже, уже в конце восстановительного периода, были написаны такие прекрасные поэмы, как „Ленін“, „Марына“ и др. Несмотря на то, что в них временами чувствуется давление на поэта крестьянских настроений, они сыграли большую положительную роль в борьбе против националистической литературы.

Из литературных фактов этого периода следует особо отметить организацию журнала „Полямя“ в 1922 г. и журнала „Молодняк“ в 1923 г. „Полямя“ стало центром организации националистических сил литературы, уже с первого номера стала пропагандистом „адраджанізма“—это значит контрреволюционного нацдемовского течения за „адраджэнне“ буржуазной культуры, за реставрацию капитализма и ликвидацию Советов. За спиной „Полямя“ стояла контрреволюционная нацдемовская организация.

„Молодняк“, несмотря на неоднородный классовый состав организации и наличие в ней части нацдемовской молодежи, сыграл большую положительную роль в объединении писательской молодежи вокруг задач социалистического строительства.

И тут в „Молодняке“ особенно вырос *Андрей Александрович*.

Начиная свою поэтическую деятельность в 1920—21 гг., он тоже отдал дань и форме и содержанию „возрожденческой“ литературы, находясь под сильным влиянием поэзии Купалы. Однако его скоро выделила среди других поэтов с их исключительно деревенской тематикой—тематика советского города. Уже в 1923 г. он напечатал ряд стихов из цикла „Горад“, в котором дал зарисовки советского города. Этим же зарисовкам посвящены стихи „Новы Менск“. В поэзии Александровича властно заговорили городские рабочие мотивы, которым суждено было широко развернуться в последующие годы.

У шэрым завулку
Разносіцца гулка
І ў цёмных ночы
І ў сонечны дзень
Скрыгат суровы
Машыны сталёвай“.

Правда, молодому Александровичу не удавались портреты конкретных рабочих,—они были схематичны и напоминали скорее кустарей, чьм индустриальных рабочих. Его „Друкар“, например, работает еще в разладе с машиной, которая:

„Таму руку, таму нагу
Прыцісне, радасна рагоча“.

Его сапожник еще любит себя своим кустарным инструментом и весь его образ—это образ запоздавшего за работой кустаря.

Однако в обстановке борьбы за введение рабочей производственной тематики в белорусской поэзии, которую нацдемы пытались зажать в тиски узко-деревенской тематики, даже эти порой наивные схематические (в духе „Кузницы“) стихи сыграли положительную роль. Реалистические бытовые зарисовки, нередко овеянные теплой фольклорной лирикой, представляли собою положительный контраст в сравнении с националистической стилизацией Есенина, как это делали Дубовки,

Пуши и др. Тяга к реалистическим зарисовкам из жизни советского города, внимание к „мелочам“ роднит поэта с такой же тенденцией в русской пролетарской поэзии того времени (Казин, Безыменский и др.).

В годы восстановительного периода Александрович имеет ряд стихов, продолжающих галерею рабочих портретов уже с большим художественным совершенством („Вартаўнік“, „За іголкай“). Александрович лучше и более осмысленно начинает использовать народное творчество в языке и образах и, что особенно важно, дает ряд стихотворений, которые заслуженно считаются одними из лучших в белорусской литературе как по тематике, так и по единству формы и содержания. Из этих стихотворений я особенно подчеркиваю стихотворение „Сасна“ (есть в русском переводе), стихотворение „Фабрыка смерці“ о Западной Белоруссии, которая стонет под пятой белопанской Польши, и стихотворение „Падарожжа“, в котором поэт осмысливает классовое содержание националистического течения в литературе.

Вводя, почти впервые, рабочие образы в белорусскую литературу, вводя иногда огрублено и прозаично элементы ораторской речи, Александрович восставал против „лиричности слянявой“ и боролся за социально-насыщенную, политическую лирику, учась этому на лучших произведениях Маяковского. В этом его основная заслуга перед литературой БССР.

О КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ В ЛИТЕРАТУРЕ В РЕКОНСТРУКТИВНЫЙ ПЕРИОД.

Проводя предательскую работу во всех областях народного хозяйства и культуры, белорусские националисты в единении с националистами других мастей и оттенков, в единении с контрразведками соседних стран, главный упор делали на подготовку своих кадров. С этой целью засорялись кулацкими и поповскими элементами ВУЗ'ы и ВТУЗ'ы, с этой целью создавались „курсы беларусазнаўства“, с этой целью проводилась усиленная обработка писательской молодежи, с этой целью усиленно культивировались богема, есененщина, упадочничество. Ходы классового врага не были неожиданностью.

Решение ЦК ВКП(б) (май 1925 г.), правильно ориентируя всю партию в вопросах литературной политики, предупредило о росте буржуазных настроений в среде писателей, о выделении писательской средой идеологов растущего кулачества и новой буржуазии. Это решение развернуло целую программу действия для того, чтобы добиться гегемонии пролетарской литературы, выращивая свои кадры и бережно перевоспитывая

старых идущих к нам писателей. Это решение и сплочение вокруг него лучших сил советской литературы создавали угрозу для националистической литературы быть разоблаченной. Если к этому прибавить, что троцкистско-зиновьевская оппозиция в эти годы прилагала особенные усилия, чтобы расшатывать партию, то станет ясным, что толкнуло националистов более откровенно вести свою подрывную националистическую работу.

IX съезд КП(б)Б в 1926 г. по докладу комсомола записал, что в проведении национальной политики „большая ответственность ложится на комсомол, который выделяет из своих рядов кадры пролетарской интеллигенции, посылая молодежь в ВПИ, рабфаки, подготавливая ее, в частности, в рядах организаций „Молодняка“ и т. д.“. Эта ответственность и задачи в основном сводятся к тому, чтобы „воспитать новых культурных работников на ленинских принципах в вопросах национальной политики, не допуская националистических уклонов, а также влияния националистически настроенных интеллигентов на комсомольскую группу интеллигентов“ (из резолюции съезда).

Это предостережение было более чем своевременным. Дело в том, что „Молодняк“ очень разнообразный по своему составу, превратившись в массовую организацию, поистине требовал самого бдительного внимания и хорошего политического воспитания. В среде „Молодняка“ шла жестокая классовая борьба. Под видом борьбы за „культуру“ языка, за „действительно художественное“ произведение и т. д. националистическая группа стремилась оторвать молодежь от активного участия в жизни республики, замкнув ее в круг узко-литературных, часто формально стилистических вопросов, чтобы тем самым отравлять литературную среду ядом национализма. Националисты из молодых писателей, представляя собою наиболее откровенно фашистскую часть националистов, стремились превратить „молоднякизм“ в продолжение „возрожденчества“, в „омоложенное возрожденчество“, которое, мол, новыми средствами „возрождает“ все ту же старую культуру. Они даже громко высказывали свое недовольство полымнянцами, и несмотря на то, что „Полюмя“ за годы 1923—26 печатало ряд антисоветских ярко националистических вещей (пьесы, стихи, критические статьи, публицистика). Однако, националистическому крылу не удалось перевести „Молодняк“ на свои националистические рельсы (вспомним попытки этих националистов перетянуть к себе тов. Труса, молодого, рано умершего весьма талантливого поэта, о котором будет говорить тов. Александрович). Оно решило выделиться в отдельную организацию „Узвышша“. Тем более, что в этом году собралась на свой съезд белорусская контрреволюция (не только внутренняя эмиграция, но и внешняя) под флагом Академической конференции. Литературные нацдемы имели намерение похвалиться собственными доморощенными кадрами. „Узвышша“ просуществовало три года. По

линии литературной оно отличалось националистической стилизацией под народное творчество, главным образом опираясь на реакционные элементы фольклора (например, застольные песни кулачества, реакционная мифология) в значительной степени перепевали Есенина, подстригая его под свою националистическую гребенку, слабривая яркой ненавистью к советской власти. По линии литературной критики узвышненцы от троцкистского отрицания самой возможности создания пролетарской литературы доходили до утверждения, что националистическая литература и есть „пролетарская литература периода, когда национальный пролетариат стоит у власти“. По линии публицистики вся деятельность была направлена на подрыв доверия к советской власти, к партии, к Советскому Союзу. Зоологический национализм — вот содержание журнала „Узвышша“.

И когда узвышненцы разболтались слишком откровенно, когда они начали вызывать подозрение, тогда контрреволюционный центр нацдемов решил организационно оформить „Полымя“, в котором для ширмы должно было быть партийное ядро. Они надеялись, что при наличии национал-оппортунизма в отдельных интеллигентских партячейках, при наличии давящего авторитета „старейшего поколения писателей“ удастся и журнал и организацию „Полымя“ удержать в своих руках. Для создания такого прикрытия националисты раскололи „Молодняк“, перетянув в „Полымя“ наиболее выявленную в то время группу, руководящую верхушку „Молодняка“, думая совершенно уничтожить этим „Молодняк“. Но в „Молодняке“ уже выросли кадры коммунистов-писателей, которые под руководством ЦК КП(б)Б не только воссоздали „Молодняк“, но и превратили его в БелАПП. Активную роль в восстановлении „Молодняка“, в развертывании его работы и превращении его в БелАПП сыграли коммунисты-писатели: Михась Лыньков, Платон Головач, Григорий Мурашко и др. Однако, развертывание творчества молодых могло произойти в полной мере только после разгрома националистов, когда над молодежью перестали давить каноны националистической белорусской литературы, когда националистическая критика перестала развращать молодежь, когда Дом писателя освободился от скучных их фигур, от змеиного шипения по поводу любого недостатка и саркастической усмешки по поводу любого достижения в жизни страны.

Это свершилось в 1929—1930 гг., когда была разоблачена контрреволюционная организация нацдемов, когда были разоблачены Игнатовский, Балицкий, Прищепов, когда ряд националистов-писателей и критиков—Бабарека, Чаржинский, Пуца, Дубовко, Мрый, Гарецкий—были разоблачены, как одни из самых активных участников контрреволюционной организации, когда были раскрыты националистические ошибки таких писа-

телей, как Бядуля, Гурло, Зарецкий, Жилунович, Колос, Купала и друг.

Гигантские победы социалистического строительства в городе и деревне, мудрая воспитательная политика партии, разгром националистов заставили Купалу и Колоса порвать с националистическим прошлым и осудить его. И Купала, и Колос активно включились в практику социалистического строительства, стали разрабатывать советскую тематику, создали ряд высокохудожественных литературных произведений. Тот же путь проделали ряд других писателей, приступивших к своей идейной перестройке (Бядуля, Гартный и др.).

О результатах этой перестройки говорил в своей беседе с писателями Белоруссии тов. Гикало. „Сегодня Янка Купала— это не тот человек, который был несколько лет тому назад. Для нас Янка Купала, Якуб Колос—неотрывная часть литературы Советской Белоруссии. А вы думаете, что только с'езд сделал их такими? Это работа партии в целом и ваша—коммунистов-писателей, а также воля и желание их самих перестроиться, пересмотреть свой политический творческий путь на основе исторического решения нашей партии о работе писательских организаций.

Мне хотелось бы на этом закончить экскурс в историю белорусской литературы, хотя я весьма и весьма много чего не затронул как из литературных фактов, так и из фактов классовой борьбы на литературном фронте. Я не сказал хотя бы бегло про творчество Михася Лынькова, М. Крапивы, К. Черного, Головача,—потому что имею намерение отвести творчеству этих писателей больше места при рассмотрении литературы последних лет.

Мимоходом отмечу только произведения Михася Зарецкого, который на том этапе являлся одним из наиболее ярких представителей националистической литературы, оформляя в художественных образах то, что нацдемы проводили в политической агитации. Таков его „Голы звер“ с перепевами Леонида Андреева и Арцыбашева с показом пролетарского города, как сплошного вертепа грабежа и разврата. Таковы его „Крывічы“, „Сцежкі-дарожкі“ і др.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРЕЛОМ.

Если кто-нибудь захотел бы дать характеристику всем значительным произведениям последних пяти лет, то он очутился бы в довольно тяжелом положении. Перед глазами писателя быстрыми, невиданными до этого времени темпами, разворачивались события огромной исторической важности, события воистину неповторимые, великие дела и дни двух большевистских пятилеток, из которых первая построила фундамент социалистической экономики, вторая поставила себе задачей и ус-

50009
9

пешно ее выполняет) построить социалистическое бесклассовое общество. Перед глазами писателя разворачивалась острейшая классовая борьба, в результате которой оказался ликвидированным, на базе сплошной коллективизации, многоликий класс кулачества, последняя опора и надежда капитализма. Перед литературой развернулся процесс перевоспитания и роста людей как и во время вооруженной обороны революции. Только в настоящее время это воспитание, перевоспитание и рост людей не только носили более массовый характер, но и сопровождались огромным культурным подъемом, массовым овладением сложнейшей техникой, невиданным ростом политической сознательности, что вылилось в конце концов в стахановское движение, т. е. явление, показавшее превосходство социализма над капитализмом в решающем вопросе—вопросе производительности труда. Перед литературой во всю величину встала задача показать организаторскую и воспитательную роль партии и ее вождя тов. Сталина—неутомимого и непреклонного руководителя, учителя, друга, вдохновителя миллионных масс в борьбе за коммунизм. И понятно, что у наших литераторов разбегались глаза,—хотелось обнять, запечатлеть для грядущих поколений всю многокрасочную действительность, ее новых людей—не похожих на героев предыдущих эпох, запечатлеть величайшую и умнейшую тактику нашей партии, ее организаторскую и воспитательную работу.

И белорусская советская литература в этом много преуспела. Были созданы такие произведения, как „Отщепенец“ и „Дрыгва“ Якуба Колоса, как „Над ракой Арэсай“ Янки Купала, как „Напор“ и „Шчаслівая дарога“ Александровича, „На чырвоных лядах“ и „Баян“ М. Лынькова, „Качагары“ Ильи Гурского, „Спалох на загонах“ Головача, „Міжбур'е“ и „Контратака“ Кудрина, „Мост“ Раманович, „Бацькаўшчына“, „Трэцяе пакаленне“ Кузьмы Черного, „Канец дружбы“, „Мядзведзічы“ Крапивы, „Тэорыя Каленбрун“ і „Сержант Дроб“ Самуйленка, „1914 год“ и др. стихи П. Бровка, „Мужнасць“ и др. стихи Глебки, „Зельменяне“ М. Кульбака, „На чужом пиру“ Изи Харика, „Семья Воронцов“ В. Ковальского и ряд других. Мы имеем за эти пять лет произведения, отмеченные всей общественностью как лучшие и художественно высокие. А рядом с этим у нас имеется ряд произведений с хорошими замыслами, но со слабым выполнением не только у разных писателей, но и у одного и того же писателя в разное время. Явление это, конечно, нормальное, потому что мы, белорусская литература—молодая литература, абсолютное большинство писателей начали свою литературную деятельность десять—двенадцать лет назад. Особенный рост нашей литературы, как, вероятно, и всех национальных литератур мы имеем после исторического решения ЦК ВКП(б) от 23-го апреля 1932 г., когда партия ликвидировала организационные формы БелАПП, ставшие из средства собирания пролетар-

ских сил литературы тормазами ее дальнейшего развития. Это решение ускорило окончательный и бесповоротный переход на сторону пролетариата всего, что есть действительно талантливого во всех писательских организациях. Оно ускорило раскрытие и отсеивание от литературы как замаскированных врагов наших, так и околосредственной братии. Это решение гигантски подстегнуло борьбу за качество произведений, как главный критерий в оценке места и роли писателя в советской литературе. Мы не можем сказать, что мы достигли слишком больших успехов в этой области, хотя безусловные успехи мы имеем. Такие произведения, как „Сыходзіш вёска з яснай явы“, „А ў Вісле плавае тапелец“, как „Барысаў“, как „Дзве Марысі“, „Лён“ и „Старыя акопы“ Янки Купалы почти безупречны и в смысле художественной формы и содержания. Но, понятно, старая песенная форма стиха, фольклорная форма, которую так удачно, с таким мастерством и на новой, более высокой основе, возобновил Янка Купала, не всегда безупречно гармонирует с новым содержанием, наказывая поэта или некоторой долей схематизма, или некоторой долей снижения философской значимости произведения. Точно также понятно, что такие вещи, как „Сцяна бястрашных“, „Галодная раніца“, „Беларуская казка“, и ряд других стихов А. Александровича почти безупречны и с полным правом могут считаться одними из лучших стихов Всесоюзной литературы, однако, понятно, и то, почему ораторский голос лирики Александровича временами переходит в обычную ораторскую речь.

Понятно—я еще раз говорю, именно потому, что наша советская литература молодая литература, учитывая и время перестройки дооктябрьского поколения.

Однако и молодость литературы, и спешка—пусть себе вызванная бурным ходом жизни, а не какими-либо другими причинами, не является оговоркой для того, чтобы потребовать скидки на качество своих произведений. П. П. Постышев абсолютно правильно сказал: „Ни одному писателю нечего сейчас рассчитывать хотя бы на малейшую скидку по вопросу качества нашей продукции. Наш писатель не должен быть ремесленником. Не надо удовлетворяться и восторгаться легким и проходящим успехом. Наш писатель должен быть настоящим художником, стремящимся создать памятники нашей великой эпохи для целых поколений“ (Речь Постышева на пленуме Союза советских писателей Украины).

Вот почему мне хотелось бы в заключительной части взять только те произведения, которые в большей или меньшей степени претендуют на право таких памятников в белорусской литературе—при всех своих слабостях и недостатках, при чем произведения главным образом послесъездские.

Я не беру стихотворений Янки Купалы,—о них будет гово-

рить Александрович, вы их читали в переводах, ценность и их художественный уровень оценены по достоинству всей советской печатью Союза Советских Республик. На фоне расцветающего народного творчества, на фоне колхозного фольклора—стихи, песни Янки Купалы—народного поэта республики приобретают особенное значение. Неизмеримо радуют они нас там, где прекрасная форма сочетается с глубокими обобщениями, где эти обобщения перекликаются с квинт-эссенцией вековой народной мудрости, но не той, которая была навязана народу его рабским положением в прошлом, а той, которая подсказана его положением коллективного создателя трудовых ценностей и в прошлом и сейчас. Это сочетание прекрасных форм и глубоких обобщений Янки Купалы следует всемерно усилить, чтобы еще более увеличить и филигранно отработать свою часть великого памятника эпохе, который ставит и поставит ей наша литература.

Я не брал бы и стихов Александровича, учитывая, что поэзия является темой второго доклада. Но тов. Александрович сам докладчик по поэзии—и волей-неволей вынужден не говорить о своей поэзии, и таким образом, белорусской поэзии угрожает появиться перед пленумом со значительным изъяном. Из его творчества последних пяти лет особенно выделяются такие произведения, как „Цені на сонцы“, „Напор“, „Пагранічная вясна“, „Шчаслівая дарога“ и ряд лирических стихов.

„Цені на сонцы“ справедливо считаются у нас в белорусской литературе прекрасным литературно-поэтическим памфлетом. Построенная в плане подачи галереи портретов врагов рабочего класса, поэма „Цені на сонцы“ имела основной задачей усугублять художественным словом и образом те удары по националистам, которые наносила им наша партия, помочь широкому читательскому активу, понять всю мерзость и продажность националистов. И нужно сказать, что эту задачу Александрович выполнил блестяще; портреты врагов получились живыми, ясными и четкими. Здесь и кум и кума:

„Славуты кум дарогай камяністай
Да славы ідучы не раз змяняў свой грыв,
Ён земгусарам быў, чыноўнікам, міністрам,
У Скарападскага па справахнутраных.

Здесь и зять, у которого:

„Ідэалогія наша і ваша.
Нашы і вашы хваробы слоў.

Здесь и критик, который был:

„Расіец заўзяты ў расійскім парадзе
Выходзіў палякам на польскі парад,
Цяпер беларус пры савецкай уладзе,

а по существу приспособленец, хамелеон и одновременно заядлый враг советской власти и советской литературы.

Здесь и премьер-ветеринар, лакействующий перед княгиней Радзивилл, ухаживая за ее сукой и щенками, и бьющий по

лицу девочку сироту над трупом ее матери-кормилицы этих щенят, когда девочка протягивает свою руку за милостыней.

Здесь столпы белорусской контрреволюции и тот извилистый кровавый двурушнический „путь“, по которому шли эти враги народа.

Александрович понимает, што эти враги есть только предательские тени, которые „у кустах прилегли“, пока трудящиеся массы „карчуют пни“, что они не могут повернуть назад колесо истории, хотя испортить многое могут. Александрович это понимает, ибо перед его глазами были неоднократные указания партии на предательскую роль нацдемовской интеллигенции, а также во время написания II и III частей была вскрыта вся картина мерзости националистической контрреволюции. А. Александрович правильно мобилизует ненависть трудящихся против этой контрреволюции и отвращение к ее носителям.

Пьеса „Напор“ при всех ее недостатках и слабостях (идуших, главным образом, по линии недостаточного напряжения сюжетной линии, по линии описательства, по линии беспомощности автора в производственно-технических вопросах завода, которые он затрагивает) по моему мнению абсолютно неправильно заброшена и критикой и театром. Если говорить о соответствии пьесы действительности, то я должен сказать, что в белорусской литературе почти нет другого произведения, которое бы с такой полнотой отражало бы жизнь рабочего коллектива во время зарождения социалистического соревнования, как пьеса „Напор“. Да и со стороны художественной в смысле типизации персонажей пьесы, она имеет большую ценность.

Основная цель — показать, как сплотил партком и комитет комсомола рабочий коллектив вокруг задачи дать шахтерам Донбаса тысячи стандартных домов — была Александровичем выполнена и политически и художественно правильно. Пьеса явилась естественным завершением его „рабочей портретной галереи“, которую он начал еще на первом этапе своей творческой деятельности.

Теперь А. Александрович подготовил сборник, в который вошли 4 поэмы, в том числе последняя поэма для детей „Шчастливая дарога“, по заслугам вызвавшая одобрение нашей критики, и стихи 1932—1935 г.

„Шчастливая дарога“ — поэма о перевоспитании человека, при том в таком возрасте, когда это перевоспитание особенно легко, т. е. в детстве. Сын кулака — „синеглазый мальчик Гриша“ — порывает с лесным кулацким гнездом отца и идет в люди. Шчастливая случайность приводит его на границу и пограничники воспитывают его вместе со своими детьми. Вся поэма насыщена прекрасными пейзажами, зарисовками современной Белоруссии, написана хорошим легким стихом, построена на ряде интересных эпизодов (буря в лесу, встреча с собакой,

турецкая трубка, встреча с сестрой—диверсанткой). Недостатком поэмы является то, что дидактические места поэмы (разговор с комиссаром, отдельные колебания самого Гришки) не всегда облечены в художественную форму, не всегда органически связаны со всей тканью поэмы, и потому несколько выпирают из общего контекста.

Поэма „Пагранічная вясна“ являет собой пример прекрасного использования фольклорных оборотов речи, и в сочетании с ораторской, трибунной установкой произведения. Последнее между прочим характерно для многих писателей народов СССР и является показателем того, как молодые отряды литераторов всех республик растут и крепнут на учебе у Маяковского. Александрович в „Пограничной весне“ нашел слова и краски, нашел локальные образы: (аир над озером, виленские гони и даже „солнце в трусиках“), чтобы передать глубоко и полно контраст между капиталистическим гнетом над Западной Белоруссией и между счастливой жизнью Советской Белоруссии.

К недостаткам поэмы следует отнести излишнюю нагроможденность сложных метафор, которые создают ненужную цветистость речи и портят отдельные части этой хорошей и большой поэмы.

В последние годы Александрович написал ряд прекрасных стихов, в которых сочетал большие образы („Стена бесстрашных“, принимающая прах С. М. Кирова. „Голодное утро“ в городе, захваченном фашистами) с бережливостью в словах и простотой речи—отчего эта простота становится художественной простотой, с огромным чувством обобщения чувства мас. Именно поэтому так крепко зазвучали его стихи последнего периода.

Издание сборника его стихов на белорусском и русском языках, издание подобных сборников Купалы, Бровко, Колоса, Глебко и ряда многих поэтов в этом году является особо симптоматичным. Наши поэты как бы подводят итоги своего предыдущего творчества, с тем, чтобы продолжать творить уже на более высокой основе. И надо сказать, что эти итоги очень и очень неплохие итоги. А для Александровича это хорошие итоги. Александрович значительно вырос за последние годы, научился работать над стихом, научился наблюдать и обобщать явления жизни. Научился правильно пользоваться фольклором, живым народным языком.

О КАЧЕСТВЕ НАШИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ЗАДАЧАХ, СТОЯЩИХ В ЭТОЙ ОБЛАСТИ.

Успехи Александровича, о которых я только что говорил, есть один из результатов той борьбы, которая развернулась после Всесоюзного съезда писателей во всей советской литературе вокруг вопросов качества произведений. Всесоюзный

съезд стал в этом деле—датой исключительного значения, вызвав действительно социалистическое соревнование между братскими литературами на лучшее качество, большую политическую заостренность, большую глубину и полезность произведений. Не имея возможности продемонстрировать на примере всех произведений, вышедших за последние год-полтора, результаты этой борьбы за качество, я хотел бы сказать несколько слов о тех из них, которые достигли положительных результатов особо интересным для нас образом.

К таким произведениям я прежде всего хочу отнести новеллы т. Лынькова („Баян“, „На вялікай хвалі“, „Сінія галіфэ“ и др.). Они интересны прежде всего тем, что овеяны большой любовью к человеку, который строит социализм и вместе с этой стройкой изменяет себя, перевоспитывается, очищается от скверны капиталистического прошлого. Эта любовь к человеку Лыньковым вкладывается в яркие жизнерадостные, романтически-приподнятые образы, овеянные народным юмором. Лыньков романтик, своим творчеством подтверждающий, что революционная романтика есть синоним социалистического реализма. Новеллы Лынькова характерны еще и тем, что в них Лыньков преодолевает ту расплывчатость, которая наблюдалась у него в большом романе „На чырвоных лядах“, в прекрасном романе, со многими чрезвычайно типичными для довоенной Белоруссии героями, с рядом незабываемых происшествий и сцен, но который страдал недостаточной сюжетной напряженностью. К этому вопросу мы вернемся позже, а сейчас хочется отметить, что новеллы Лынькова при интересности сюжета, сжатости самого произведения и тем внутреннем тепле, которым окутаны положительные герои, являются прекрасным образом борьбы за качество. Если сравнить новеллы Скрыгана, среди которых есть очень неплохие новеллы („Каця Лапянкова“, „Бацькі і дзеці“, „Зноў на дарозе“), с новеллами М. Лынькова, то сразу бросается в глаза, что положения и образы в новеллах Лынькова живые, нужные нам, а образы в новеллах Скрыгана чаще всего не имеют опоры в нашей действительности, они не живые, не нужные нам и даже не реальные. Борьба за любовную подачу таких образов, которые нужны стране, которые полезны ей, которые будут любимы массами читателей—вот что включил Лыньков в свое понимание борьбы за качество—и это правильно. Верно для него и другое—глубокая взволнованная ненависть к врагу, кропотливый анализ самых запутанных его ходов и выходов, постоянная настороженность и призыв и бдительности на примерах, показывающих, что враг приспособляется, маскируется значительно хитрее, чем это обычно думают. Вот эту внутреннюю теплоту при показе нашего советского человека, и горячую ненависть к врагу,—следует развивать в нашей литературе взамен бесстрастного, порой прикрытого налетом гуманизма или объективности—показа врага.

Докладчики по вопросам поэзии будут говорить о политической лирике, о разящей врага трибунной строке поэта. Нечто от этого нужно и нашей прозе, особенно той, которая говорит о героике гражданской войны (примером может служить книга тов. Яновского „Всадники“), о героике строительства.

Лынькова прекрасный близкий к народному язык и теплый юмор. Это особенно ярко видно в романе „На чырвонях лядах“ и его последних трех повестях для детей.

Несколько слов о детской литературе. Последний год был особенно беден в этой области литературы, если бы не выше-названные три повести Михася Лынькова. Предыдущий год был особенно урожаем. В прошлом году вышла поэма Александровича „Счастливая дорога“, поэма Якуба Колоса „Міхасёвы прыгоды“, вышла „Т. В. Т.“—чрезвычайно полезная и интересная книга Янки Маура (автора ряда детских книг приключенческого характера, широко известных среди учащейся детворы), вышла книга другого нашего детского писателя Якимовича „Незвычайны мядзвездзь“, вышел ряд книг на еврейском языке, в том числе поэма Изи Харики „От полюса к полюсу“. Этими книгами советская белорусская литература с честью рапортовала тогда Всесоюзному съезду. К сожалению после съезда ряд писателей так и не покрыли своей задолженности перед нашей советской детворой. Именно к сожалению, потому что приход в детскую литературу лучших писателей БССР, как показал уже наш опыт, поднимает детскую литературу на новую высоту, повышая ее художественный и познавательный уровень. Вот почему так жадно набросилась детвора на хорошие полноценные повести М. Лынькова, засыпая автора благодарственными письмами. Вот почему теплое лирическое стихотворение Купалы „Хлопчык і лётчык“ переводится на все языки, и автор получает письма восхищения от своих читателей—детей со всех концов Союза.

Совещание по детской литературе при ЦК ВКП(б), выступление тов. Андреева, т. Косарева поднимает вопрос о детской литературе на новую ступень и это обязаны учесть наши писатели.

Последние романы П. Головача („Праз гады“) К. Черного („Трэцяе пакаленне“) ставят еще раз перед литературой вопросы сюжетности и в еще большей мере вопросы глубокого знания материала. Белорусской националистической литературе был присущ ползучий импрессионизм, голое бытовое описание. Сюжетные романы были, но главным образом бульварно-декадентского типа. Преодоление бытового описательства как одного из остатков влияния националистической литературы—явление сугубо положительное и его надо приветствовать. В этом смысле—полное подчинение материала сугубо продуманному плану в романе Головача „Праз гады“ особенно пока-

зательно. Головач берет только те события, которые непосредственно воздействуют на формирование мировоззрения его героев или руководят их поступками. Благодаря этому так четко показаны новые для белорусской литературы типы—как помещик Пилотеев, профессор Гольнский, связанный с питерской партийной организацией большевик Павел Будник, организующий возмущение крестьян против помещика. Тут уместно указать на некоторую своеобразную функцию подобных Гольнскому образов интеллигенции в белорусской советской литературе. Белорусские националисты, как известно, не мало смаковали образ интеллигенции, как „соли зямлі“, „просветителя“, „благодетеля народа“ и пр. Перед советской литературой Белоруссии стала задача (как и перед другими национальными литературами) по новому, правдиво показать этот образ, показать социальное расслоение среди интеллигенции, жесткую классовую борьбу в ее якобы „единых“ рядах. Показом профессоров Пилотеева и Гольнского, поэта Януплы, да и самого П. Будника—П. Головач делает интересную попытку нового для белорусской литературы показа разных слоев интеллигенции и классовой борьбы в ее рядах.

Более глубоко показал тов. Головач крестьянина собственника. Тарента Шкробот—безземельный бедняк оторван был капиталистическим строем от собственной земли. С еще большей жадностью он присосался к ней, когда большевики изгнали помещиков. Он воевал против помещиков, но когда вернулся к мирной жизни, он оказался на подступах к положению зажиточной верхушки деревни. Поэтому так тяжело, значительно тяжелее, чем его друг и товарищ по Сибири—Микода Жук—идет Тарента к коллективизации и приходит только тогда, когда воскресил в себе лучшие чувства, думы и идеи времен гражданской войны, когда заглушил собственническое свинство хуторянина.

В смысле сюжетной напряженности, продуманности, глубокого изучения материала роман Головача—один из хороших романов. Правда ему вредят: слишком сухой язык, обилие засушенных этим языком пейзажей, бесстрастность рассказа даже в тех местах, где возопил бы камень (смерть Павла Шкробота). Но даже по сравнению со „Спалохам на загонах“—повестью, по общему мнению прекрасно показывающей коллективизацию в белорусской деревне, роман „Праз гады“ является творческой удачей Головача.

Большим мастером психологического романа показал себя Кузьма Черный в „Трэцім пакаленні“.

Мы уже говорили, что среди советских прозаиков Белоруссии К. Черный был одним из тех, которого больше всего приковывал к себе анализ психологических процессов. Но стоит вспомнить ряд его прошлых психологических повестей (хотя бы „Земля“), чтобы убедиться в том, как сейчас писатель совершенно по

новому начал строить свой психологический рисунок. Если раньше Кузьма Черный видел перед собой изолированного абстрактного человека и изолированную душевную жизнь его „вне“ дел (по известному выражению Ленина, т. е. вне социальной практики), то теперь К. Черный видит ту социальную практику, которая служит основой психологических конфликтов его героев. Писатель по гениальной формулировке тов. Сталина— есть инженер человеческих душ: „Заглянуть в душу своих героев“, а не ограничиться показом их внешней деятельности— под видом борьбы против буржуазного психологизма— вот тот путь тяжелый, но необходимый путь, по которому пошли К. Черный, Головач, Лыньков и др.

Главный герой романа— батрак Михаил Тварицкий с детства отравленный жадной собственностью, привитой ему кулаком Скуратовичем. Через всю жизнь пронесит он эту жажду материализованную автором в виде спрятанного в земле кулаком и перепрятанного Тварицким золота. И когда Тварицкий приходит к своей дочке Славе к „Третьему поколению“, ради которой он берег золото, оказывается, что жизнь уже не та, идеалы не те, люди не те: личное богатство стало бессмысленным, „Люди-волки“ стали товарищами по труду, его любовь к ребенку по существу превратилась в свою противоположность: став врагом общества, он стал врагом своего ребенка. Такие образы, как Тварицкий, как его жена Зоська, как коммунист Назаревский и Нестерович, четко вычерченные через показ психологических переживаний человека являются ценным вкладом в белорусскую литературу. Недостатками романа являются погрешности как в языке героев (Тварицкий, будучи не развитым и примитивным человеком, иногда говорит как заправский интеллигент), так и в языке отдельных частей романа несколько „окрестьяненном“ без нужды (хотя К. Черный вообще и в этом романе в частности является большим мастером белорусского художественного слова), в несколько преувеличенном осложнении психологических переживаний главного героя и недорисовке этих переживаний у положительных героев. Важно отметить, что тов. Черный в выборе типичного пошел по новому для белорусской литературы пути: показа противоположности так называемых положительных качеств человека— в разных социальных системах. Этим характерно „Треще пакаленне“, этим характерна пьеса „Бацькаўшчына“ в которой поднят колоритный образ потомка силезских ткачей Леопольда Гушки, попытавшегося найти отечество в царской России и нашедшего его только в Советском Союзе, а рядом с ним— Гушкой стал спокойный, вдумчивый образ коммуниста-подпольщика Евеля Цивина. По своей динамике, по общественной значимости их поступков, эти образы выше образов Тварицкого и даже Зоси. Однако, образы Тварицкого и Зоси более детально выписаны, отшлифованы, показаны через тысячи деталей и дум.

Вы сами понимаете, что соединение этих двух качеств обещает К. Черному и его читателям последующее, стоящее на еще более высоком уровне произведение. Тов. Бядуля в „Наблюдении“, тов. Колос в „Дрыгве“ показали пример простого, глубокого сюжетного повествования на фактических материалах. Бядуля до ошутимости ярко показал картины из жизни прифронтальной полосы 1914 года, окончившейся всенародным беженством и от ужасов боя и от ужасов погрома со стороны „защитников отечества“ т. Колас с еще большей красочностью и большей идейной насыщенностью рассказ о героике партизанской борьбы против белопольской оккупации. В „Дрыгве“ особенно ярко выступает роль сюжетности произведения.

Однако, наша литература, как и русская литература знает примеры так называемых бессюжетных или слабо сюжетных произведений, которые сцементированы большой идеей и из отдельных новелл, из лоскутов, из „самородков“, взятых из жизни и вправленных в ткань художественного вымысла—получается большое ценное полотно. Таковы „Медведичи“ К. Крапивы, таковы „На чырвоных лядах“ Лынькова, ряд повестей Микулича, две повести Шынклера и др. Что сцепливает, направляет рассказ в таком случае. Это—показ какого-нибудь большого политического события (строительство фабрики, весенняя посевная кампания, землеустройство), на фоне которого развиваются действия, переживания главных героев рассказа. И чем больше политическое значение этого события, чем более глубока политическая идея, которая объединяет отдельные разрозненные кусочки повести, тем более цельным кажется все произведение. (Из русской литературы можно привести примеры из И. Эренбурга, Шагинян и др.). Вот почему в борьбе за качество произведений—следует наряду с нажимом на интересное развитие сюжета прежде всего сугубое внимание обращать на глубину обобщающей все произведение идеи.

Конечно, все это возможно только в том случае, если писатель знает жизнь не только из книг, видит жизнь не только из окна вагона, если он активно участвует в практике социалистического строительства. К сожалению, мы не можем сказать, чтобы все наши писатели глубоко изучали завод, колхоз, быт рабочего, колхозника, красноармейца, технику того производства, которое фигурирует в произведении. Очень не редко такое знакомство является поверхностным, а основной материал берется из воспоминаний из книг—даже тогда, когда речь идет о наших днях. Не удивительно, что герои таких произведений недостаточно полнокровны. Социалистический реализм предполагает как одно из необходимейших условий—глубокое знание жизни, классовое осмысливание ее. Без знания жизни—без участия в социалистическом строительстве—невозможно дать произведение, про которое можно было бы сказать, что методом создания его был социалистический реализм, т. е.

единственный метод, которым можно правильно и художественно высоко отобразить действительность в литературе.

Наши писатели обязательно должны усилить изучение этой действительности и тогда у нас появятся полнокровные образы рабочих, ударников, стахановцев, чего, к сожалению, пока что нет. Это будут образы новых людей, людей, борющихся под руководством партии за уничтожение различия между умственным и физическим трудом. Это будут образы людей, живущих полнокровной жизнью, богатой идейным содержанием. Писатель обязан будет показать в диалогах таких людей, в сюжетных конфликтах не только большие чувства, но и большие мысли, волнующие этих людей. У нас же, к сожалению, очень часто налицо весьма ограниченный кругозор мыслей наших образов. С таким кругозором нельзя показать стахановца, „профессора своего дела“ ни тем более того же стахановца, когда он окончит Премакадемию. Стахановский рост людей нашей страны властно требует от писателей такого крутого под'ема вверх, такого стахановского идейного и творческого под'ема, который бы соответствовал потребностям гигантско-выросшего нашего читателя. Как видите старые „технические нормы“, существовавшие до сих пор в литературе и здесь с приходом стахановцев обязаны быть опрокинуты и превзойдены во много раз.

В целях ознакомления с рабочей жизнью в этом году мы проделали интересный и полезный опыт: мы послали группу писателей написать историю Могилевской шелковой фабрики, писали ее рабочие фабрики, но писатели, которые организовывали и обрабатывали материал, прекрасно ознакомились с жизнью большой фабрики, что не проминет сказаться в их творчестве. Этот метод мы думаем в ближайшее время значительно шире применить. Положительным явлением, причем давним уже результаты, мы считаем посылку ряда писателей на работу над материалами гражданской войны: это обогатило писателей знанием жизни и дало общественности ряд интересных книг. Борьба с натурализмом, с фотографичностью, с ползучим описательством можно только глубоким знанием жизни, глубоким знанием материала.

Другой вывод хочется сделать, когда говоришь о качестве произведений—это необходимость максимально повысить учебу наших писателей, учебу политическую, учебу литературную, учебу у лучших пролетарских писателей, у Алексея Максимовича Горького, у классиков русской литературы. В учебе мы очень и очень отстаем, особенно по линии молодежи.

О МОЛОДЕЖИ.

Правда, наша молодежь—Самуйленок, Микулич, Кулешов, Шинклер, Огнецвет, Пивоваров—своими последними книгами и отдельными произведениями крепко шагнула вперед в смысле

идейного и художественного роста. Для примера можно привести тов. Микулича, книги которого в порядке помощи писателю были предметом творческой дискуссии на предпоследнем пленуме Союза. В этом году тов. Микулич побывал с группой писателей в Грузии и написал на материалах Грузии небольшую повесть „Дружба“, которая, несмотря на некоторую спешку, на мой взгляд, является ценным вкладом в белорусскую литературу, как по своим художественным качествам, так и потому, што является первой книжкой, которая знакомит белорусского писателя с жизнью братских нарядов Союза через художественное слово. Этому же делу служили стихи нашего поэта Федоровича и очерки талантливого прозаика Самуйленка.

Тов. Самуйленок года два тому назад вошел в литературу своей книжкой „Тэорыя Каленбрун“. Сейчас эта повесть переделана тов. Самуйленком в пьесу „Сержант Дроб“, которая с успехом идет в БГТ-III, как юбилейная пьеса.

В „Полымя Рэволюцыі“ і в „ЛІМ“ за последний год напечатаны и рассказы начинающих писателей: В. Кондратенъ, М. Гвоздова, Е. Садовского, А. Стаховича, М. Седнева, фамилии которых впервые увидели страницы толстого журнала, а точно также рассказы и стихи трех молодых русских писателей: челоушкинца Миронова, Вл. Глазирина и Ал. Шарапова. Появление этих товарищей в толстом журнале, при весьма строгом отборе материала является показателем творческого роста нашей литературной молодежи. Свидетельством огромной тяги к литературе, к литературному творчеству молодежи являются такие сборники, как „Аднагодкі“ („Ровесники“), „Атака“ и др. В „Одногодках“ печатались 18 начинающих писателей, среди которых есть, безусловно, талантливые люди.

ДРАМАТУРГИЯ.

Белорусская дооктябрьская драматургия служила тем же классовым целям, что и вся буржуазная литература в целом: это была националистическая невысокого литературного качества агитка за нацдемовские идеалы. Эти же идеалы в более или менее замаскированном виде нацдемы пробовали культивировать и на советской сцене („Вір“, „Апраметная“, „Тутэйшыя“, „Кастусь Каліноўскі“). Молодая пролетарская драматургия начала бороться против националистической драматургии еще тогда, когда в руководстве театрами стояли нацдемы. В борьбе за постановку переводов пролетарских пьес, переведенных с русского и других языков—против чего особенно ярко возражали нацдемы (вспомним театральную дискуссию 1927 г.), за постановку первых крупных произведений пролетарской драматургии „Гуты“—Рыгора Кобеца и „Качагары“—Ильи Гурского победила пролетарская драматургия, и националисты были выброшены из театров.

Обе пьесы—Кобеца и Гурского прошли з громадным успе-

хом, вызывая бешенную злобу врагов. Вслед за этими пьесами были поставлены „Мост“ Романовича, „Межбурье“ и „Контратака“—Курдина. Была поставлена пьеса „Напор“ Александровича. Рабочая тематика, образы рабочих прочно завоевали белорусскую сцену, чего нельзя, к сожалению, сказать о всей нашей литературе. Лучшие пьесы Советского Союза были переведены на белорусский язык и поставлены в наших театрах. Перед Съездом писателей мы имели две хорошие постановки: „Бацькаўшчыну“ Кузьмы Черного и „Канец дружбы“ Кандрата Крапивы. Обе эти постановки наша критика, а еще больше зрители, приняли очень благосклонно, оценили—в первой: высокий политический уровень, удачную типизацию ряда героев и обстановки, в другой—глубокую идейную насыщенность и показ явлений очень характерных для Белоруссии, попытку показать внутрипартийную жизнь, не говоря уже о других художественных достоинствах пьесы.

• После съезда мы имели десять новых постановок. Из кинодраматургии следует указать на кино-картину „Новая родина“ по сценарию Ил. Барашки „Днепр в огне“, как имеющие значительное художественное достоинство. Сейчас ряд писателей работают над новыми пьесами к 20-летию Советской власти.

Какие проблемы разрабатывала наша драматургия последнего периода?

Прежде всего—проблему становления нового человека. Эту задачу пробовали решать почти все: одни, показывая ожесточенную схватку с врагами на фронтах гражданской войны и потом тождественную схватку во время ликвидации кулачества (Зарецкий „Сымон Карызна“, Глазырина „Фронт“, Ковальского „Семья Воронцов“, Гурского „Мать“ и др.). Иногда на помощь призывались более отдаленные исторические схватки („Великодушные“) или схватки с вражеским окружением при капитализме (Симфония гнева“). Иногда же писатель показывал более будничную, но ожесточенную борьбу с остатками капитализма. („Напор“, „Контратака“, „Скотобоец Берман“). Герои, на показе которых наши писатели демонстрировали рождение нового человека были разнообразны: „большой мечтатель“—Локота, демобилизованный красноармеец, его любимая Настя—активисты по организации колхоза (Зарецкий), интеллигентская молодежь—хотя иногда с рабочим „паспортом“ (Глазырин), кустарь по нутру—честный человек, который преодолевает засасывающее его влияние мещанства (у Головчинера). Почти никогда не брался обыкновенный рабочий, которому не надо „перестраиваться“, а которому надо просто расти вверх. Абсолютно недостаточное знание жизни рабочих, а с другой большое знание жизни „перестраивающейся“ интеллигенции налагало свой отпечаток на образ

положительного героя. При этом очень часто положительный герой не был носителем большой идеи (исключение составляет Гушка—Кузьмы Черного), поэтому какие бы он поступки не совершал, как бы тонко не обрисовывал его автор, образ положительного героя, как правило, был тусклый. Принижает его и то, что положительный герой в наших пьесах больше резонирует, рассуждает, а не действует.

В борьбе против малозначимости идейного содержания положительного героя были попытки брать так называемые „вечные проблемы“ любви, ревности, дружбы, родины, измены и пр. Когда драматург подходил к этому делу как художник—созидатель, а не как „закройщик из Торжка“, способный только перелицевать старую одежду,—пьеса имела успех („Конец Дружбы“—Крапивы, „Бацькаўшчына“ К. Черного). К сожалению чаще всего в таких случаях получалось наоборот: так, М. Ильинский, написавший не плохие пьесы: „Начальник“, „Нехотимец“, поднимая тему ревности, дал образец „перелицовки“ старых истин и с пьесой провалился. В это же время внимание драматургов не привлекли новые качества души советского гражданина, о котором говорил П. П. Постышев. Вторая проблема, которая волнует нашу драматургию—это показ обороны страны, показ необходимости быть готовым к обороне. Эта проблема вклинивается почти во все драматургические произведения белорусской литературы.

Третья особенность белорусской драматургии—это тематика, связанная с вопросами классовой бдительности. Впрочем, это не только особенность драматургии. Это особенность всей литературы: образ классового врага, его происков-махинаций, самых неожиданных и наглых,—один из центральных образов нашей литературы,—а в силу особо-острых классовых стычек на Белоруссии.

Я не хотел бы, чтобы меня поняли так, будто белорусская драматургия стоит на низком уровне. И „Конец дружбы“, и „Бацькоўшчына“, и „Велікадушша“, и „Симфония гнева“—и многие другие—это хорошие пьесы, хорошие спектакли. Но учиться, поднимать качество и догонять ушедшие вперед драматургии братских республик—наша неотложная задача.

О ФОЛЬКЛОРЕ.

На протяжении ряда лет, в работе Наркомпроса и Главискусства мы имели явную недооценку народного творчества, в результате чего были в загоне хор народных песен, сбор этих песен, ансамбли народных инструментов, народные танцы и т. д. Надо откровенно и чистосердечно сказать, что и сейчас, несмотря на специальные указания ЦК КП(б)Б, нужного перелома в органах Наркомпроса и БелАН мы не

имеем. Там не привлекаются к сбору фольклора комсомольцы, учителя, рабселькоры, районные газеты. А между тем народ создает такие сказки, как сказка о Ленине, как „Крынічка-жывічка“, „Каваль“, создает новые песни и частушки

„Ой, з-за лесу, лесу цёмнага
Выплывалі хмары чорныя,
Каля лесу, лесу шумнага
Сабіраліся хлопцы моцныя.
Яны гуртам задумляліся,
Яны разам уміўляліся
Уладу панскую разбіць,
Долю лепшую здабыць.

Песня про тов. Сталина:

А на небе многа зорак
Адна зорка ўсіх ярчэй.
Сталін кажа, што ў калгасе
Жыццё будзе нам лягчэй.
Прыедзь, Сталін, паглядзі
Нам у калгасе добра жыць,
У калгасе мы жывем
Толькі прыпяваем —
У час сеем, добра жнем,
Свае лабро маем.
СССР адна краіна,
Дзе цара не маецца,
Новай уладай пролетарскай
Моц яе трымаецца.

А между тем каким же фольклором пользуются писатели: старыми сборниками Шейна, Романова, Сержпутовского (почему, между прочим, не выбрать оттуда лучшие и ценные народные сказки и легенды и не переиздать их?), песнями, сказками, поговорками, которые слышали в своем детстве, или во время недолгих путешествий по Белоруссии по путевкам партийных и советских органов по кампаниям. Вы понимаете, какой могучий поток новых слов и новых образов мог бы влиться в литературный язык, если бы поставить серьезно сейчас это дело. И тут я перехожу к вопросам языка.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКА.

Литературный белорусский язык до Октября создавался довольно кустарным образом, без единой грамматики и орфографии. Каждый писатель считал себя вправе писать на языке своей матери, т.-е. на диалекте волости, в лучшем случае уезда. Те же слова, которых не хватало у писателя (хотя в языке они были), он дополнял или русскими (если он воспитывался на русском литературном языке), как Максим Богданович, Каганец, или польскими (если эта культура была ближе к нему), как Дунин-Марцинкевич, Богушевич.

Литературный язык более или менее установился с возму-

жалостью поэзии Купалы и Коласа, по языку которых стали равняться более молодые писатели того времени, однако диалектизм в языке был настолько сильным, что до последних произведений можно было смело сказать, в какой местности родился писатель. По серьезному стали развиваться литературный язык вместе с литературой только после Октября. К сожалению, вопросы языка и языковедения долгое время находились в руках националистов. Они проводили свою линию, которая заключалась в трех принципах:

1) Как можно дальше от русского языка, чтобы не было ни одного слова, похожего на русское, даже такого, которое свойственно живому и родному языку (например, слово „разговор“, „говорили“ заменялось обязательно „размова“, „размаўлялі“, „зюкалі“, „прастарэкалі“ и др.

2) Советизмы же и слова одинаковые для белорусского и русского языков заменялись архаизмами и неологизмами, созданными по типу архаических слов. При этом политические термины переводили такими неологизмами, которые бы дискредитировали самые термины. Пару примеров: „элегия“ переводилось неологизмом „причитание“, „эрмитаж“ словом „клеть“, „энтузиазм“ словом „захват“, „демагогия и демократизм“ переводилось одним словом „народніцтва“, „пролетарий“ словом „бядота“, „убоства“, „коммунизм“ словом „грамадзейства“, „Інтэрнацыянал“ словом „міжнародня“, танк—„паўзун“, тормаз—„таркач“ и др.

3) Остаток недостающих слов брать или с польского или отыскивать такие диалектизмы, которые бы ни в каком случае не напоминали собой русских слов, имеющих то же значение. (Например: гарнизон—залога, казарма—кашары, брыж—гзыме, литейный завод—гісерыя и проч.).

Политическая подоплека этих принципов понятна без комментариев.

Таким образом нацдемы до 1929 г. искажали белорусский язык, как только могли—в словарях, в технической терминологии, в литературе. После разгрома националистов, после вскрытия их „принципов“, само собой понятно, что началось исправление языка и развитие в сторону сближения с настоящим народным языком, обогащенным названием вещей и понятий, которые принесли в народ социалистическая индустриализация и колхозный строй. И когда оказалось, что ряд правил старого правописания являются тормозом в развитии языка, правительственным декретом было введено новое правописание.

На фоне языка у нас были горячие дискуссии. Мы атаковали язык Витьбича до тех пор, пока не добились того, что он вытряхнул из своего языка весь архаический и полонофильский хлам, которые он набрал из испорченных нацдемами словарей, не зная белорусского живого языка. Правда, вместе с атакой на язык, Витьбичу досталось и за политические ошибки

в содержании его произведений. К чести Витьбича, надо сказать, что критика его ошибок не прошла для него даром, и он сейчас дал ряд рассказов довольно высокого художественного качества, правильных и нужных нашему читателю.

Такой же критике подвергался язык и синтаксис Хадыки, произведения которого были абсолютно непонятны массам. Опять таки вместе с критикой языка Хадыке досталось и за националистическое содержание его произведений. Очевидно; тов. Александрович расскажет, что из этого получилось.

Националистическая опасность в вопросах языка, как и в вопросах всей литературы, безусловно и сейчас останется главной опасностью. Однако, мы не должны забывать и о новой тактике националистов: они бросились в другую сторону—они стали выбрасывать из языка даже такие бытовые слова, как „снeданне“ (завтрак), „рушник“ (полотенце), „хата“ (изба) и т. д. Понятно, тут поработали не только националисты, вульгаризаторы, но и обыкновенные обыватели, которые „на всякий случай заменяли непонятные для них белорусские слова („как бы чего не вышло“).

ЦК КП(б)Б в своем указании по вопросу о белорусском языке категорически воспретил такое безответственное отношение к языку и принял ряд мер, которые обеспечили бы развитие белорусского языка. Приветствуя мудрые указания партии, писатели обязаны и сами подтянуться, а то в последнее время мы имеем ряд примеров небрежного отношения к слову, к фразе со стороны писателей. Нередко наш язык слишком сух и беден, и как часто мы не понимаем, что простота языка должна идти не за счет бедности его, а за счет богатства. В этом смысле примером может быть Янка Купала, у которого очень простой и очень богатый язык.

О КРИТИКЕ.

Вместе с ростом литературы растет и наша критика, болея теми-же болезнями и недостатками, как и вся наша литература, и вместе с ней поднимаясь на новую более высокую ступень. Мы в значительной мере изжили вульгарное социологизирование (хотя не до конца), в значительной мере приблизили нашу критику к конкретному разбору произведений (иногда даже слишком конкретному). Безусловно выросли наши молодые критические кадры (Куницкий, Шараховский, Голубок и др.).

Вырос тов. Модель—по линии театральной критики.

Следует отметить особую заслугу тов. Бронштейна в деле поднятия уровня нашей критики. Белорусская критика последнего года была направлена, главным образом, по двум линиям. Во-первых, на разоблачение троцкистско-зиновьевской контрбанды (в связи с делом Дунца), более глубокое разоблачение националистических литературных концепций, в связи с рядом

сигналов о националистических рецидивах именно на фронте критики. Во-вторых, на разработку литературных проблем, которые помогли бы читателю более глубоко разобраться в белорусской литературе, в том числе и литературном наследстве.

Мы имеем серьезные сигналы в области критики, которые ставят перед критическим фронтом задачу учиться, учиться и еще раз учиться, усиливая свою политическую бдительность. Первый сигнал—дело Дунца. Троцкистская контрабанда, захватывание троцкистских книг Дунцом долгое время оставались не вскрытыми, благодаря притуплению классовой бдительности, низкому уровню, семейственности и круговой поруке.

Другой сигнал—это история с Бендэ. Случайность, ненаучность его критики до последнего времени и грубое вульгаризаторство не требует доказательств. (При этом еще ранее были вскрыты троцкистские ошибки Бендэ).

В чем же сущность уроков Бендэ и как мог продержаться на поверхности литературы такой критик такое долгое время, причем его критические ошибки целиком не разоружены ни им, ни критикой и на сегодня. В чем же здесь дело? Дело здесь прежде всего в зажиме самокритики, которое имело место во времена Бендэ и в монополии на критику, которую он упорно проводил, не выпуская на широкую дорогу ни одного из молодых критиков. Без монополии на „ортодоксальную“ критику бендовская критика изжила бы себя значительно раньше. Сущность бендовской критики заключается в том, что анализ произведений подменялся сухой схемой. Произведения измерялись обложкой от „Капитала“, а не самим „Капиталом“. Все, что не вмещалось в эту схему, провозглашалось ересью и отбрасывалось. Глубина критики подменялась бойкостью, марксистско-ленинская теория—цитатами. Спасало Бендэ только то, что он чаще всего брал произведения выявленных партией врагов, а здесь особенного анализа не требовалось (он уже был сделан до критика).

Третий сигнал—дело т. Вольского. Тов. Вольский выступал с рядом докладов против нацдемовщины, ни единого разу не сказал о своих сугубо-националистических ошибках, сделанных им в начале литературной деятельности. Без теоретических азов пускается в филологическое изыскание и преподносит крошку из разных буржуазных теорий. Эта крошка была очень выгодной нацдемам из „Узвышша“, и ее печатают с подчеркнутым смакованием. Но пусть эти безосновательные претензии на научность могли подвести Вольского на первом этапе его творчества. Почему же Вольский, поднявшись на ноги, не раскритиковал своих ошибок? Тов. Вольский объясняет это интеллигентской застенчивостью.

Почему не были вскрыты ошибки Вольского кем-либо другим кроме него? Другого ответа, как тот, что тов. Вольский

усыпил нашу бдительность, я не могу найти (разумеется, это не совсем блестящий аттестат нашей бдительности).

Потом мы имели известную статью А. Некрашевича, который поставил национальную форму (национальную тематику, национальные кадры) во главу угла всей кино-работы в ущерб содержанию этой работы, гиперболизируя значение национального элемента в кино. К концу года была помещена о творчестве Бядули нацдемовская статья неизвестного автора в „Литературном Ленинграде“.

Какие выводы из этих сигналов в области критики? Первый вывод—учиться, учиться и еще раз учиться, изучать марксистско-ленинскую теорию, без которой не может быть критики. Во вторых, самым серьезным образом относиться к своей работе, чувствуя великую ответственность перед партией, перед читателем за литературное дело. Нам нужна усидчивая, вдумчивая, серьезная работа.

Особенно хочется отметить критические работы самих писателей и нашему пленуму. Вот работа К. Черного о Сергее Знаемом, глубоко анализирующая язык писателя, пути развития этого языка и источник его. Вот работа Пятруся Глебко о Кулешове, правильно ориентирующая молодого поэта в вопросах рельефности образа. Вот серьезная критическая работа К. Крапивы о творчестве Тишки Гартного. Несмотря на острый тон и хлесткую критику самых мелких ошибок и недостатков в этом творчестве, эта критика насыщена желанием помочь человеку окончательно перестроиться. Глубокий анализ произведений, понимание специфики литературы, нетрафаретное изложение своих мыслей, свежесть не только формы выражения, но и самых мыслей,—это то, что повеяло свежим здоровым ветром в критических работах наших двух последних лет. Идеалом, которого следовало бы достичь в 1936 году, было бы такое положение, когда не нашлось бы ни одного писателя, не принимающего участия в критических работах. Думаю, что мы этого достигнем.

О БРАТСКИХ ЛИТЕРАТУРАХ.

В братской семье литератур БССР, помогая друг другу, сообща борясь за ленинскую национальную политику и против врагов ее—националистов всех мастей, сообща борясь за высокое искусство литературы, растут и развиваются еврейская, польская, литовская и русская литературы. Анализом творчества еврейских и литовских писателей дополняют мой доклад как сами писатели, так и критики литератур. Мне хочется отметить только одно: мы имеем безусловно бурный рост еврейской и польской литературы, некоторую стабилизацию состава русских писателей и уверенный ход вперед многих из них (Шаповалова, Глазырина, Баранова, Кропачева). О росте В. Ко-

вальского я уже говорил, упоминая его пьесу. Об этом с еще большими основаниями можно было говорить, анализируя два сборника его стихов, которые вышли в этом году.

В этом году следует поздравить Изю Харика не только с 15-тилетним юбилеем творчества, но с прекрасной поэмой „На чужом пиру“, в которой с огромной силой изваян образ местечкового музыканта, затравленного кагальной средой. Вся наша критика сошлась на том, что эта поэма по своим художественным качествам является крупнейшим достижением Изи Харика, а по образам—продолжает хорошую традицию Харика сочетать глубокое освещение народного творчества и классического наследства еврейской литературы с творческим преодолением канонизированных образов, ритмов, со взрыванием вековой рутины и клерикально-кагальной накипи, при одновременном максимальном приближении своих произведений к народу.

Точно также можно поздравить Кульбака как с окончанием II тома „Зельменяне“ (из всех „многотомников“ он первый выполнил свой долг перед читателем), так и с пьесой.

Тов. Тейф в этом году издал книгу стихов „Пролетарка—сестра моя“, поэму о мальчике, спасшем ценою собственной жизни отряд красноармейцев.

Крупным достижением еврейской советской лирики является последняя книга стихов З. Аксельрода („И снова стихи“).

Следует особо отметить, как большую заслугу, перевод стихов Янки Купалы тов. Аксельродом (издана целая книга к юбилею).

Интересна поэтическая работа поэта Каменецкого, насыщающего сваю строфу героической романтикой.

Точно также интересным явлением в литературной жизни был „Агитпоезд“ тов. Долгопольского, как опыт об'единить очерковые наброски своих произведений о перестраивающейся деревне с фабульным рассказом.

Я очень прошу товарищей, читающих по-еврейски и по-литовски, дополнить мой доклад в этой области.

ОБОРОНА СТРАНЫ И БЕЛОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Нам—литературе пограничной республики—вы товарищи верно поставите вопрос: а не забыли ли вы, товарищи, оборону страны, оборону Советского Союза, западным форпостом которого является Советская Белоруссия? Мы вправе ответить: „Нет, не забыли“. Я уже как-то приводил стихи П. Бровка, посвященные любви к нашей великой родине—к Советскому Союзу.

Эту ответственность за крепость „бронированных границ“ (Александрович) сознают сами писатели. Я приводил вам пример из „Дрыгвы“ Якуба Колоса. Можно привести подобные примеры из „Канца дружбы“ К. Крапивы, из „Семья Воронцов“ Ковальского, из рассказов Лынькова, из рассказов Ильи Гурского („Партбилет“), а из поэзии их приведет т. Александрович— в частности, наверное, вспомнит об очень удачной поэме П. Бровко „Праз горы і стэп“. Все эти произведения (а перечень их можно множить и множить) воскрешают перед читателем славные боевые традиции Красной армии, закаляют дух и волю к будущей победе. Ведь мы знаем, что значит гитлеровский фашизм в смысле опасности новой войны, мы знаем также и то, что наши соседи с Запада полезут к чорту в зубы, продадут за три гроша последние остатки государственности их „любимой родины“, лишь бы только получить индульгенцию от пролетарской революции в своем крае. Мы это хорошо знаем. Поэтому оборона страны—одна из генеральных тем нашей литературы.

За два года в белорусской литературе появилось 24 книжки с военной тематикой, 5 альманахов „Атака“, два альманаха „Бойцы“, „Бронированные рубежи“—Крючкина, сборник „Боевые будни“, книги стихов „Держинцы“ и „Большевики границы“, роман Шаповалова, сборник стихов Шарапова „Маршевый шаг“ и „Две встречи“, Хадыкі „Красноармейская лирика“, Лимановского книга рассказов о Красной армии, Глазырина—„Разведчик Коля“, Садовского—„Скрипка и орден“.

Я думаю, что ограничусь только указанием, что среди названных мною писателей абсолютное большинство—это писатели Красной армии, воспитанные нашей организацией, и что среди названных мною книг есть ряд рассказов, стихов, высоких по своему художественному качеству.

Основное содержание стихов и рассказов молодых красноармейских писателей—это жизнь, быт, учеба Красной армии, ее героические подвиги (вспомните хотя бы „О героисте и валенках“ Шаповалова, Иваньковича—„Баллада о ручье“, Шарапова—„Баллада о двух товарищах“).

Кроме этого за последние два года довольно обстоятельно разрабатывались темы, связанные с империалистической войной 1914—1917 гг. Тут нужно назвать „На шляхах волі“ Якуба Колоса, „Набліжэнне“ роман Зм. Бядулі (о котором я говорил ниже), „1914“ П. Бровко, „Герой нации“ Эд. Самуйленка—все эти произведения имели своей целью не только указать ужасы войны, но и главным образом показать ее империалистический характер, показать, как солдат царской армии приходил к выводу, что единственным выходом из империалистической войны может быть только революционный выход. К сожалению, показ того, как немецкий солдат на опыте немецкой армии приходит

к тому же выводу—пока что отсутствует, а показать это надо обязательно.

Я сказал бы, товарищи, неправду, если бы утверждал, что тематике обороны страны мы уделяем достаточно внимания. Этого, к сожалению, еще нет в такой мере, в какой нам это нужно. У нас положительно под руками богатейший материал по защите нашей границы,—героические примеры этой защиты в изобилии давали и дают наши пограничники и колхозники. У нас богатейшие примеры овладения техникой: самолеты и танки на парадах Красной армии несутся буквально часами. У нас неиссякаемый источник героического прошлого Красной армии. Мы должны дать образ крестьянина из Гливена, который провел в брод через Березину первый полк Красной армии под Борисовом и тем самым помог сломать упорство врага и взять „Белорусский Перекоп“, а затем двинуть все силы на Варшаву. Мы должны дать образ нашего белорусского Чапаева—тов. Соловья—коммунара, организатора партизанского отряда, влившегося потом в Красную армию. Он положил свою удалую голову на подступах к Варшаве. Много у нас под руками, чтобы создавать бессмертные произведения о героизме Красной армии. И мы обязаны их создать, всемерно укрепляя любовь к родине, укрепляя наш советский патриотизм.

ЛИТЕРАТУРА ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ И СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ.

Вы также вправе спросить нас, белорусских литераторов, думаем ли мы о той части белорусского народа, которая пока еще находится под властью польского помещика и жандарма, интересуемся ли мы западной белорусской литературой? Вопрос этот законный, и мы отвечаем на него. Да, интересуемся, да, думаем о нем, хотя не так много, как нужно было бы. Западной Белоруссии посвящена „Пагранічная вясна“ Александровича с прекраснейшими стихами, о которых я говорил выше.

Западной Белоруссии посвящен ряд стихов Янки Купалы Якуба Колоса. Наш баснописец Кондрат Крапива „проехался по зубам“ белорусских нацдемов Западной Белоруссии прекрасной сатирой „З фашыстоўскай падваротні“, которая кончается напоминанием

„Ланцугі аднак-жа рвуцца:
Будзе пану, будзе й сучцы.
Будуць суку біць, біць,
Будзе з панам выць“.

Есть стихи о Западной Белоруссии у т. Глебка и у т. Чарота. Почти ничего нет о Западной Белоруссии в прозе, за исключением рассказов З. Бядули.

Западной Белоруссии посвящен фильм „Да заўтра“, который показывает судьбу белорусской школы в Западной Белоруссии.

Как видите мало, и очень мало.

Что касается западно-белорусских писателей, то их слишком мало. Положение с литературой там на много хуже, чем было в Белоруссии во время царизма. Мы не можем пожаловаться на отсутствие желания писать, такое желание есть у многих. А вот о возможности писать мне рассказывал один товарищ из Западной Белоруссии: рабочего поэта посадили в тюрьму за революционные стихи; чтобы заставить его бросить писать — ему не передают в тюрьму ни книги, ни карандаша, ни бумаги. И товарищ творит свои стихи в уме, тихонько декламирует их, чтобы хорошенько запомнить и записать тогда, когда выйдет через три года из тюрьмы. Согласитесь сами, товарищи, что в таких условиях трудно надеяться на развертывание литературы.

Вот перед нами сборнички и последние стихи, напечатанные в журнале „Калоссе“ — двух наиболее видных писателей Западной Белоруссии — поэтессы Натальи Арсеньевой и поэта Михася Мошары. Поэтесса Арсеньева лирик-символист типа Максима Богдановича, под влиянием которого она находится.

Ни звука протеста против национального угнетения, которое так разъяренно господствует в Западной Белоруссии, у Арсеньевой мы не находим. Почему же так безрадостно, так замогильно звучат стихи Арсеньевой, если она принадлежит к господствующей клике? Дело, как видно, в том, что и для белорусской буржуазии и для господ оккупантов в 1921—24 гг., когда начала писать Арсеньева, лучших настроений трудно было ждать: почва под их ногами все еще была накалена, а освободительное движение не давало ей остынуть. Вот почему у Арсеньевой выявляется стремление к абсолютному покою, — к безразличию тупика.

• В 1922 г. Арсеньева спрашивала у судьбы:

„Дык няўжо-б так жыццё нас зваліла,
Што не знойдзем хаценьня і сілы
Усміхнуцца праз слёзы і мы,“

Вот ее стихи 1932 г.

„Нежывой зімовай ночкай
Сніцца мне ліпнёвы змрок,
А вясной пляла-б ахвоча
З лісцяў восені вянок.
Цемнатою, бездарожжам
Аднаго-б пайшла шукаць,
Што ніколі мець не можам,
Што ніхто не можа даць“.

(„Калоссе“ № 1—1935 г.).

Одним словом: „Подай декадентского черта на стуле не знайся“. Перепев самое себя, пустота в идейном смысле, рафинированная гладкопись, за которой нет никакого образа, самоуслаждение собственными охами и ахами разжиренной бабыни,—вот что представляет собою символизм Арсеньевой.

Упадническая романтика Арсеньевой нужна и для проповеди непротivления злу (см. стихотворение „Калі людзі пакрыўдзяць цябе“).

„Калі людзі пакрыўдзяць цябе
Калі хочацца плакаць, маліцца,
Ты ідзі у цямнеючы лес,
Там ў шшы гэтак лёгка забыцца.
... І пачуеш у шэнце лісця:
„Ты даруй неразумным, як я“.
Уцяміш ты, што нядоля твая,
Гэта кропля у моры жыцця,
Дзе усюды і боль, і бяда“.

Арсеньева была бы очень удивлена, узнав, что часть крестьян Западной Белоруссии послушалась ее совета, и когда паны обижали их, они уходили в „цямнеючы лес“ и оттуда так „даравалі“ панам, что в ясновельможном панстве настроение становилось абсолютно созвучным настроению самой Арсеньевой. Вывести Арсеньеву как поэтессу из того тупика, в который она зашла, может только связь с трудящимся народом, если такая связь для нее возможна, и серьезный анализ истории символизма в белорусской литературе, хотя бы на примере творчества Я. Купалы. Иного выхода нет, как бы не считала себя талантливой Арсеньева.

Несколько иное положение у Михася Мошары—довольно способного поэта, бывшего учителя, который за участие в массовых национально-культурных организациях просидел три года в Лукишках. Из тюрьмы Мошара, как видно из его произведений, вышел раздвоенным (см. его стихи „3 турэмных настройў“). Ему хотелось на волю, на родное приволье, ему хочется уснуть и видеть во сне эту волю еще в тюрьме. Он мечтает о том, как выйдет из тюрьмы:

„А тады пайду на ўзгоркі
Цалаваць шаўковы мох,
П'яны воляй—гаркну звонка:
„Праклянну цябе, астрог“.

Ему не хотелось думать о весне, о семье, а мысли сами лезут. Вот прекрасная реалистическая картина:

„Пэўна бацька дома,
Выехаў араць,
Вельмі стар, вядома,
Будзе гараваць.

І не раз дакорам
Гляне ў неба сінь,
Я-ж стары і хворы,
А дзе ж сын, мой сын.
Усломніць бедны сына
І змахне слязу“.

Тут нет социального протеста, тут есть только индивидуальное переживание—тяжелое и мрачное. Оно звучит в ряде лирических стихов о природе, которые окрашены в те же тона безнадежности, отчаяния, индивидуализма.

А наряду с этим у Мошары появляется и социальный протест. Вот сценка возвращения домой из тюрьмы:

„Ты не учи мяне пакоры,—
Я яе за кратамі кінуў.
... Хаты к вербам—трывозе
Прытуліліся, маўчаць.
— Працы, працы—па дарозе
Усцяж шагі чыесь скрыпяць.
Цяжка... нудна, нудна стала,
Так ратунку просіць хтось.
— Хлеба дайце! Хлеба мала!
Душыць вёску чорны госць“.

Поэт слышит иногда, чего хочет крестьянин.

„Толькі-б выгадае лета
Ды... крыху болей зямлі“.

Правда, как видите, тут нет еще настоящего понимания, нет классового осмысления своего места в капиталистическом обществе, нет осмысления самого общества,—поэт еще не может четко разграничить, где его друг, хотя врагов частично видит: это скупщик, эксплуататор, у которого он, в качестве рабочего, греплет лён и который его обвешивает и обмеривает. Это пан, у которого он паробком выводит „строчки“ тряплом, лопатой, косой. Это, наконец, тот, кто стоит на каждом углу улицы во время ярмарки, чтобы не собиравалась молодежь—полицейский.

Поэт не чувствует еще, что его стихи „Сенажаць“, „На руме“, „Ад працы“, „Вайсковая хата“, „У хаце“, „Навала“, „Кір-маш“, „Мама, кінь ты плакаць“ из сборника „На сонечны бераг“ значительно выше по своей художественности, вещественности образов, по богатству деталей, чем песня о нищем, который только и радуется тому, что он нищенствует в Белоруссии.

На этих примерах Мошара мог бы убедиться, что его слово начинается звучать там, где оно полезно обездоленному крестьянству, вообще трудящихся, а не там, где искусственная патетика, риторичность („Наперад“ и „На сонечны бераг“ или „На пералом“ в „Калоссях“). Там обыкновенная барабанщина, пусто-

звонство, которое никого не заманивает, никого не запугают, а только покажут, что за кромкой фразой без содержания прячется обыкновенный интеллигентский страх, если не что-либо худшее. Характерно в этом случае стихотворение о страхе перед тюрьмой из сборника „На прадвесні“. А что может быть и худшее—показывает ряд националистических вещей Мошари—„На смерть Кастуся Калиновского“ и др.

Протестуя против национального угнетения Мошара, однако, идет на крепком поводе у матерых националистов типа ксендза Станкевича, ксендза Шутовича и др. А на этом поводе можно притти только в „теплые“ об'ятия дифензивы и никуда больше.

И когда Мошара предлагает своей дорогой петь, потому что

„Дарагая! Шлях наш—мука
Усіх працоўных шлях цяжкі—
Ты вось бачыш гэтыя рукі
Ужо насілі ланцугі...“

то нам кажется, что здесь не петь нужно, не успокаивать себя песней, не убаюкивать себя стихом, а рвать все и всякие цепи, которые сковывают не только руки, но и мысли и душу. Захочет ли сделать это Мошара, пока что неизвестно и зависит исключительно от него. Во всяком случае Мошара стоит на распутьи, из которого легко пойти в любую сторону—в творчестве его заложены возможности и стать действительным представителем демократических масс деревни и стать ярым врагом народа, который погибнет бесславно, как лакей у лакеев. Пусть выбирает. К сожалению, сборник „На прадвесні“ 1935 г. пока не дает возможности сказать, в какую сторону клонится Мошара. В торону ли единого антифашистского фронта, или в сторону сохранения единого фронта с белорусскими фашистами. Поэт еще не видит, что они, подлые лакеи того же „паўзучага насення“, которое его „хамам ахрысціла“, что они—белорусские нацдемы хотят сделать из поэта не только хама, но иуду-предателя своего народа.

Кроме Арсеньевой и Мошари часто печатается некий Хв. Ильяшевич—абсолютная бездарность, барабанный стихоплет, стихи которого порой напоминают бред сумасшедшего.

В этом году начал выходить в Вильне журнал „Колоссе“. В журнале помещаются иногда произведения отдельных советских писателей и рецензии на книги, которые выходят у нас. Делается это белорусскими националистами, конечно, не от хорошей жизни. Они вынуждены таким образом отвечать на огромный интерес со стороны трудящихся Западной Белоруссии к Советскому Союзу, к советской литературе. Вполне понятно, что их информация трижды перепутанная и трижды перевранная, но читатель старается прочитать между строк то, что хотела бы спрятать от него редакция. И ему это вполне

удается, ибо если он читает, что прошел Всебелорусский съезд писателей, на котором присутствовало свыше 150 писателей, если он читает, что Янка Купала получил легковую машину от правительства БССР, а Мошара три года тюрьмы от правительства Польши, если он читает, что Белгоскино выпустило свыше 40 кино-картин и т. д., то какие бы то ни были комментарии от редакции, читатель будет видеть наши успехи, читатель будет сравнивать их с беспросветным национальным и социальным гнетом, который господствует в Западной Белоруссии.

И когда сравнишь жизнь в Западной Белоруссии с нашей жизнью, с нашими достижениями, с нашими перспективами,—еще более рельефной станет глубочайшая пропасть между миром капитализма и миром социализма.

Какие просторы, какие возможности раскрыла перед литературой диктатура пролетариата и мудрое руководство КП(б)Б. Зажиточная веселая колхозная жизнь в деревне, такая же зажиточная, такая же веселая, культурная жизнь в городе, отсутствие черной заботы о завтрашнем дне—лишь бы честно работал, все остальное приложится—и все это твердо основано на стальном фундаменте наших хозяйственных успехов, на социалистической индустриализации, на механизации социалистического земледелия. Какого же больше фундамента желать для нашей жизнерадостной литературы? Это не только стальной фундамент для создания памятников эпохи, это богатейшая почва, которая способна вырастить наилучшие художественные произведения.

Страна социализма—это есть наиболее благоприятная среда для роста индивидуального творчества, направленного на благо всего коллектива, тем более творчества литературного. Огромное внимание партии и правительства, огромная забота рабочих масс, искренняя любовь, которыми эти массы окружают писателя вплоть до желания подсказать: „Приходите к нам—у нас замечательные люди, у нас стальной поток новых людзей, который не только ломает старые технические нормы производства, но который переплавливает человека, делает его членом коммунистического общества. Приходите к нам, берите целые куски прекраснейшей жизни, обрабатывайте их с таким же рвением, с таким же знанием техники и с такой же радостью, как это делаем мы, стахановцы—передовые люди сталинской эпохи. И тогда вы, товарищи писатели, создадите действительно чудесные произведения. Человек сейчас решает все, но человек новый, вооруженный техникой, оседлавший технику—внимание этому человеку стало знаменем времени. Внимание этому человеку должно стать основным лозунгом литературы. Стахановцы—люди нового покроя, люди сталинской закалки, завоевывающая область за областью в производстве, они не могут не появиться и в области литературы в обоих планах—и в качестве героев

литературы и в качестве героев-литераторов. К выполнению этой задачи—всегда объединенная боевым пролетарским интернационализмом, объединенная великой дружбой, под знаменем партии ЛЕНИНА—СТАЛИНА, будет шагать великая всесоюзная литература и в ее рядах—ее родная дочь—советская белорусская литература.

1964 г.

Здана ў друк. 10 ІІ—20 гадз.
Галоўлітбел № М 660.

Падпісана да друку 11 ІІ—9 гадз.
Зак. № 160. Тыр. 500 экз.

Друк. імя Сталіна. Менск, Энгельса, 2.

Бел. гадзет
1994 г.

+

B00000024828 17